

«Захватывающе и убедительно. Не могла
оторваться до последней страницы».
Люси Кристофер, автор романа «Взаперти»

МЕГАН КУЛИ ПЕТЕРСОН

Young Adult. Дожить до рассвета. Триллеры

Меган Кули Петерсон

Дочь лжеца

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Петерсон М.

Дочь лжеца / М. Петерсон — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Дожить до рассвета. Триллеры)

ISBN 978-5-04-166294-3

Выбор Американской библиотечной ассоциации в категории «Молодым читателям». Здесь Внешний мир нас не достанет. Ограда нас защитит. Нужно лишь оставаться на правильной стороне. Семнадцатилетняя Пайпер знает, что ее отец — Пророк. Непогрешимый. Избранный. Вся ее жизнь крутится вокруг него. Но в один жуткий день все меняется: правительство разлучает ее с родными. Теперь Пайпер живет на улице. Среди чужих. Злые люди вокруг говорят, что Пайпер украли. Они говорят, что ее отец на самом деле преступник. Но Пайпер знает правду. Она попробует сбежать. «Захватывающе и убедительно. Не могла оторваться до последней страницы». — Люси Кристофер, автор романа «Взаперти» «Петерсон использует собственный опыт пребывания в секте, чтобы воплотить историю Пайпер в жизнь. Это помогает создать ей богатое, многослойное повествование о любви, потерях и борьбе за то, чтобы снова стать собой». — Booklist Меган Кули Петерсон – американская писательница и редактор. В подростковом возрасте Меган была частью Культа Судного дня. Этот опыт помог ей в написании «Дочери лжеца», ее дебютного Young Adult романа. Также Меган является автором более 80 научно-популярных книг для детей на самые разные темы.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-166294-3

© Петерсон М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	23
Глава седьмая	27
Глава восьмая	30
Глава девятая	33
Глава десятая	35
Глава одиннадцатая	38
Глава двенадцатая	41
Глава тринадцатая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Меган Кули Петерсон

Дочь лжеца

Глава первая

После

Кровать.

Подоконник.

Выщербленный письменный стол с наклейками в виде ромашек на ящиках.

Мне сказали, что это все теперь принадлежит мне.

Женщина, одетая во все бежевое и без капли косметики на лице, выходит из комнаты и показывает путь дальше по коридору, стены которого жмутся так близко друг к другу, что создается ощущение: еще немного, и раздавят. Мочевой пузырь вот-вот взорвется, и я не могу вспомнить, когда в последний раз посещала туалет. Туфли провожатой скрипят по полу, юбка шуршит. В ушах звенит от этого шума.

Женщина открывает дверь. Слепленная белыми стенами и полами, я моргаю, пока глаза не привыкают. Слабо пахнет краской для волос.

– В шкафчике есть чистые полотенца, а в душе – мыло. Бери все, что понравится. Теперь это твоя ванная комната. Здесь ты в безопасности.

Собеседница выжидательно смотрит на меня.

Наконец дверь закрывается, и щелчок эхом разносится по помещению. Штаны намокают прежде, чем я успеваю добраться до туалета.

Я вызывающе выпячиваю подбородок. Кто бы за мной ни наблюдал – пусть видит.

Родители говорили мне о подобных вещах.

«Мир – опасное место, – предупреждала матушка. – Доверять можно только мне. Мне и отцу. Никогда не забывай об этом».

Ледяная струя хлещет из крана, капли барабанят по дну ванны. Я кручу вентиль влево и вправо, но теплой воды нет. Черты лица, которые отражаются на металлической поверхности, искажены и мало напоминают человеческие.

Они специально все подстроили в надежде, что холод меня сломает. Думают, я слабая.

Пока я снимаю брюки, они липнут к ногам. Расстегиваю мамино ожерелье с зеленым камнем и кладу на полку, но тут амазонит ловит блик света, и я надеваю украшение обратно, прислушиваясь к звукам за дверью.

Глядя в зеркало, я едва узнаю девушку в нем. Ключицы выпирают так сильно, что отбрасывают тени. Грудь стала меньше, живот впал. Волосы выпадают, стоит потянуть.

Они сказали, что здесь я в безопасности. Заверили, что теперь это моя семья.

Но я не знаю этих людей, и это не мой дом.

Из-за спины доносится разговор, искаженный, как запись, которую пустили задом наперед. Когда я поворачиваюсь к двери, он обрывается.

«Мир – опасное место».

Я вызываю в памяти мамин голос, и это меня успокаивает. Мы снова найдем друг друга, как она и обещала.

Ступню обжигает вода, такая ледяная, что кажется горячей.

Плитка на полу составлена из маленьких шестиугольников, как гладких, так и потрескавшихся. Бутылочки выстроились в ряд вдоль края ванны, обещая, что волосы станут шелковистыми, а кожа мягкой. Модное мыло матери пахло лавандой и лимоном.

Я растираюсь полотенцем снова и снова, пока кожа не розовеет.
Кроме меня, в помещении больше нет ничего цветного.

Глава вторая

До

На кухне невозможно дышать из-за едкого запаха осветлителя для волос.

Прижимая палец к губам, я улыбаюсь сидящей на табурете рядом с мойкой Беверли Джин. Тетушки уже накинули полотенце ей на плечи, закрепив спереди свободные концы ткани бельевой прищепкой. Пока тетушка Барб расчесывает волосы девочки, тетушка Джоан взбалтывает бутылочку с окислителем для обесцвечивания.

Глаза Беверли Джин бегают туда-сюда, точно маятник, пока она наблюдает за флаконом.

– А можно мне поддержать ее за руку? – решаюсь спросить я. Будучи старшей из дочерей, я обязана помогать заботиться о младших братьях и сестрах. Наши опекунши ожидают, что я восполню их собственную неспособность проявить материнское участие.

Тетушка Джоан со стуком ставит бутылочку на стол и вздыхает. Длинные, тронутые седью волосы собраны в тугий пучок, натягивая тонкую, словно бумага, кожу на лице.

– Делай что хочешь, – позволяют мне. – Лишь бы она молчала. Тебе и самой известно, что ваш отец не выносит, когда вы, бестолковые дети, заходите криком.

Тут же спешу к Беверли Джин и сжимаю ее ладошку.

– Ты и не заметишь, как все закончится, – шепчу я. – Просто закрой глаза, держи меня за руку, и все будет хорошо.

Сестренка выполняет мой совет, и тетушка Джоан выдавливает краску на макушку девочки. Почти сразу кожа головы у нее краснеет. Я просила использовать более щадящий осветлитель, но в ответ опекунши говорят, что сумели отыскать только такой.

Беверли Джин начинает всхлипывать. Я еще крепче сжимаю ее ладошку и начинаю мурлыкать под нос «Тише, малышка» – колыбельную, которую пела, когда сестра была совсем маленькой.

Как только тетушка Джоан заканчивает наносить краску, тетушка Барб натягивает шапочку для душа на покрасневшую голову Беверли Джин и устанавливает таймер. Старшая из опекунш одета в платье из грубой хлопчатобумажной ткани, на ногах видны компрессионные гольфы. Каждый день один и тот же наряд.

– Держать пятнадцать минут, – заявляет женщина. – И ни секундой меньше.

Обе тетушки удаляются в коридор, а Беверли Джин распахивает глаза.

– Как только смоем краску, я приложу кубики льда туда, где жжет, хорошо? – обещаю я. – Это всегда помогает.

Стоит таймеру звякнуть, я тут же опускаю пальцы в раковину и роняю пару капель на руку сестры.

– Ну как? Не слишком горячая? – Час назад я нагрела на дровяной плите воду и надеюсь, она не успела сильно остыть, стоя в мойке. Водопровод не работает, но можно использовать канализацию для стока.

– Нет, в самый раз. Спасибо, Пайп.

Когда Беверли Джин была маленькой, то не могла выговорить мое полное имя. И до сих пор она называет меня только так.

Девочка откидывается назад, чтобы я сняла шапочку и смыла краску с волос. Ранее темные корни стали ярко-золотыми, словно перья щеглов, что вечно клюют мамин подсолнухи. Я втираю закрепляющий состав в локоны, и вскоре сестра снова превращается в идеальную блондинку. В точности как матушка.

Высушив пряди полотенцем, я беру кубик льда и начинаю осторожно водить им по обожженной осветлителем коже головы Беверли Джин.

– Ты заслужила мороженое, – провозглашаю я. – С каким вкусом хочешь?

– С виноградным!

Я извлекаю угощение из формочки.

– Отец с матушкой приедут через пару часов, – обращаюсь я к Беверли Джин. – Они очень обрадуются тому, что ты снова выглядишь наилучшим образом.

Девочка тут же морщит нос.

– А почему тебе и Генри не нужно красить волосы? Так нечестно.

Я невольно дотрагиваюсь до своей шевелюры, собранной в хвост.

– Потому что мы и так блондины. Матушка всего лишь хочет, чтобы мы казались одной семьей, и не желает, чтобы кто-то чувствовал себя лишним, или нелюбимым, или отличающимся от остальных.

– А как же Каспиан и Томас?

– Отец приютил их, но они не являются нашими братьями. Поэтому им не обязательно становиться блондинами. Я понятно объясняю?

– Думаю, да. – Беверли Джин откусывает мороженое.

Мягко целую ее в щеку.

– Вот и славно. Поскорее доедай. Я еще должна помочь с обесцвечиванием волос Сэмюэлю.

* * *

Только когда мы заканчиваем с окрашиванием, я выхожу из дома, чтобы отыскать Каспиана.

Волны озера набегают на берег, вдоль кромки воды выглядывают водоросли. Младшие из детей пытаются поймать ведром лягушку. Их смех тут же смывает резкий запах осветлителя для волос, который забил ноздри, и я улыбаюсь в ответ.

Над верхушками деревьев возвышается старый аттракцион. На нашей территории находится парк развлечений, заброшенный сорок, если не пятьдесят лет назад. Отец демонтировал большую часть горок и трамплинов, хотя несколько все-таки осталось. Он утверждает, что это место вдали от городов идеально подходит для его детей.

Мы живем в старом двухэтажном доме, который раньше принадлежал смотрителю парка. В здании с деревянными полами много окон. Крыша над спальней мальчиков нуждается в ремонте, так что на данный момент накрыта огромным куском брезента. Отец предпочитает держать нас «вне системы», поэтому в доме отсутствуют электричество и водопровод, зато имеется насос, генераторы и свечи. А большего и не требуется.

А вот тетюшек нигде не видно. Должно быть, отдыхают перед обедом. Они постоянно твердят, что их утомляет присмотр за такими неугомонными сорванцами, как мы.

Я останавливаюсь перед старым дубом. К стволу прибита табличка из древесины пихты с надписью, которую вырезал отец.

Коммуна – это истина.

Коммуна – это надежность.

Лишь в Коммуне можно обрести безопасность.

Это наше кредо, все те ценности, в которые верят и за которые сражаются в Коммуне. Каждый раз, когда я расстраиваюсь или злюсь, достаточно прочесть надпись, чтобы вновь ощутить надежду и легкость.

Я дотрагиваюсь до таблички, и по пальцам пробегает искра магии.

Кас обнаруживается среди рядов кукурузы: выпалывает сорняки мотыгой. Огород у нас немаленький, минимум двадцать футов¹ в длину, и кукуруза посажена в самом дальнем конце. Мы выращиваем множество различных полевых культур: артишоки, салат-латук, помидоры, цветную капусту. Мне больше всего нравятся корнеплодные овощи наподобие моркови, свеклы и редиса, которые прячутся в земле до тех пор, пока не настанет время урожая.

Швы белой футболки Каса впиваются в мышцы широких плеч, напрягающихся при работе. Я выхватываю у него из рук мотыгу.

– Эй, – возмущается парень, пытаюсь отобрать инструмент. – Мне вообще-то нужна эта штука.

– На сегодня ты уже достаточно потрудился, – отпрыгиваю я, держа рукоятку трофея вне зоны досягаемости приятеля. – Мне требуется твоя помощь, чтобы засесть время.

Отец поместил буй на расстоянии ста футов² от берега, и я практикуюсь в плавании туда и обратно, чтобы быть в наилучшей форме, когда разразится война. На этой неделе мне удалось сделать дополнительные отжимания, может, теперь получится и проплыть хоть на секунду быстрее?

Мы встречаемся взглядами с Касом. Его глаза голубые, как море, в честь которого его назвали. Я никогда не видела настоящий океан. Только тот, что изображен в книгах. Но даже фотографий хватило, чтобы в душе поселилась мечта совершить заплыв в соленых водах. Ресницы приятеля настолько черные и густые, что кажется: он пользуется тушью. Из всех нас лишь у Каспиана волосы цвета воронова крыла, которые, по его словам, он унаследовал от отца. Хотя у Томаса кудри каштановые, несмотря на кровное родство братьев.

– Мне кажется, к этому моменту твое мастерство и так уже близко к идеалу.

– Ну пожалуйста, – спрашиваю я. – Никто не засекал мое время больше двух недель. Уверена, что смогу улучшить последнее достижение по крайней мере на секунду. Хочу продемонстрировать, чего добилась, когда приедет отец. Доказать, что готова к посвящению.

– Ты же знаешь, что Кертис будет гордиться тобой несмотря ни на что, Пайпер. Ты его любимица.

– Неправда!

– Да ладно тебе, – слегка подталкивает меня плечом Кас. – Когда мы только появились здесь, ты так боялась, что я займу твое место в его сердце, что наплела, будто клубнику в саду можно есть столько, сколько душе угодно. И конечно, мне за это здорово влетело.

Несколько лет назад отец принял в семью Каспиана и Томаса, когда вынужденно изгнал их родителей из Коммуны за употребление наркотиков на территории поселения. Но, конечно, он разрешил мальчикам остаться: слишком жестоко было бы отправить их во Внешний мир. Последние несколько месяцев Томас провел с нашими отцом и матерью в поселении. С тех самых пор, как прошел посвящение в члены Коммуны. Жду не дождусь услышать его рассказ о новой жизни там.

– Я же не заставляла тебя есть клубнику, и ты прекрасно об этом знаешь! Если собираешься и дальше разбрасываться безумными обвинениями, хотя бы придумай что-нибудь интересное.

В ответ на мою гневную тираду Кас лишь легонько толкает меня плечом. Я не остаюсь в долгу, стараясь не обращать внимания на трепет в груди.

Тогда приятель нацеливается на мое уязвимое место: нежную кожу подмышек. Уворачиваясь от щекотки, я взвизгиваю и бегу в сторону озера, на ходу сбрасывая сандалии. Младшие из детей заливаются радостным смехом и пускаются с нами наперегонки. Вскоре мы все оказываемся в воде, отчаянно брызгаясь друг в друга. Солнце приятно пригревает плечи, а

¹ 20 футов – 6,1 м.

² 100 футов – 30,48 м.

прохладные волны бальзамом смягчают жжение от осветлителя, жжение при мысли об отсутствующих матушки с отцом.

– Немедленно прочь из этого грязного озера!

На берегу видна фигура гневно подбоченившейся тетушки Джоан. Мы тут же выстраиваемся колонной от младшего к старшему и маршируем в сторону дома.

Мы хорошо умеем следовать приказам.

– Радуйтесь, что я вас не выпорола, – ворчит надзирательница. – Быстро отправляйтесь умываться и одеваться.

Стоит ей отвернуться, как я протягиваю руку и хлопаю по плечу Каса. Он ловит мою ладонь и удерживает некоторое время, прежде чем отпустить.

Глава третья

До

Когда родители приезжали погостить в прошлый раз, Милли еще даже не начала ходить. Насколько проще с ней было тогда.

Теперь же она вырывается из моей хватки и голышом ковыляет по коридору, сжимая любимую игрушку – набитого тряпками жирафа с отсутствующим ухом.

– Милли, а ну-ка вернись! – я гонюсь за младшей сестренкой с недавно выстиранным подгузником в руках и настагаю только в гостиной, возле большого окна, выходящего на озеро. Малышка всегда забирается туда, высматривая родителей, которые должны приехать с минуты на минуту. – Милли, – вкрадчиво интересуюсь я, – ты же хочешь хорошо выглядеть, чтобы порадовать мамочку и папочку?

– Где мама? – Сестра засовывает большой палец правой руки в рот.

– Они с отцом уже в пути. К тому моменту, как ты оденешься, они уже будут здесь.

Я веду Милли обратно в спальню девочек. Беверли Джин уже облачилась в безукоризненно чистое платье винного цвета с белым поясом и сидит на кровати, примеряя на бумажную куклу фиолетовый бальный наряд.

Карла сутулится над письменным столом, рисуя в альбоме. Она успела переодеться, но осталась неподпоясанной. Сестра всего на пару лет младше меня, но недавно решила, что платья воплощают вселенское зло.

– Карла, куда ты дела пояс? – Я пытаюсь заглянуть ей через плечо, но маленькая злока тут же загораживает рисунок руками.

– Без понятия.

– Так поищи в кладовке. Ты же не хочешь, чтобы тетуски застали тебя в таком виде?

Сестра презрительно хмыкает, закрывает альбом и распахивает створки кладовки. Отшвыривает в сторону корзину с грязной одеждой.

– Здесь нет.

Милли ложится, я приподнимаю ее пятую точку и подсовываю подгузник. Застегнув его на малышке безопасными булавками, продеваю в колготки одну ее ножку, затем другую. На мясистых ляжках младшей сестренки ткань опасно натягивается, и я переживаю, как бы она не порвалась. Того, кто придумал колготки для младенцев, нужно посадить в тюрьму!

– Посмотри повнимательнее. Карла, пожалуйста, просто сделай, как я прошу.

– Ты нам не мать, для информации, – напоминает мне несносная девчонка, но почти сразу обнаруживает пояс на полке и завязывает его на талии.

– Неужели это было так сложно? – спрашиваю я.

Сестра не обращает внимания на мои слова.

– Ты так чудесно выглядишь, – говорит ей Беверли Джин.

– Я выгляжу как уродка! – Карла падает на кровать, которая стоит прямо напротив моей. –

И чувствую себя вывернутой наизнанку.

– Вы обе очень симпатичные, – заявляю я, натягиваю на Милли платье и вручаю ее сварливой сестре. – Постарайся не дать ей снова раздеться, – бормочу я, быстро выскальзывая из расклешенных брюк и вязаной кофты, чтобы тут же накинуть платье. Несколько месяцев назад тетуска Барб сшила всем нам одинаковые бордовые наряды. Однако мой сидит уже чуть свободно: из-за постоянных тренировок и плавания тело стало более гибким и поджарым. Но я не жалею. Это мамушке нравится видеть нас хорошо одетыми. Отец же не слишком поощряет самолюбование, хотя и смотрит сквозь пальцы на слабости жены.

Тетуска Барб заглядывает в нашу комнату.

– Хватит копаться. Выходите наружу и стройтесь перед крыльцом.

Когда мы снова остаемся одни в спальне, я забираю Милли у Карлы и говорю ей:

– Надеюсь, ты успела прочесть положенное количество страниц.

Сестра лишь закатывает глаза, берет книгу со стола и трясет ею у меня перед носом. Все наставления отца отпечатаны вручную и скреплены кожаными переплетами. Он непременно узнает, если кто-то не прочитает необходимый урок.

В кои-то веки мальчики опережают нас с построением. Они уже стоят ровной шеренгой на лужайке перед домом. Каспиан поправляет винного цвета галстук и приглаживает волосы. Одна прядь падает на лоб, и я ощущаю желание поправить ее, прикоснуться к приятелю. Однако тетушки зорко наблюдают. Похоже, они больше не одобряют наших близких отношений с приемным братом. Рядом с ним стоит одиннадцатилетний Сэмюель, а последний в ряду – Генри. Младшему из мальчиков недавно исполнилось восемь. Им всем чрезвычайно идут одинаковые вельветовые костюмы и галстуки, но я решаю оставить комплименты при себе.

Сэмюель показывает мне язык.

– Я все вижу, – предупреждает проказника тетушка Джоан.

Девочки выстраиваются следом за мальчиками, и опекунши проходят вдоль ряда, внимательно разглядывая нас по очереди. С Генри снимают ковбойскую шляпу, по лацканам пиджака Сэмюеля проводят роликом для чистки одежды.

– Я голодная, – жалуется Милли и принимается жевать переднюю ногу жирафа.

– Скоро пойдем ужинать. А пока тихо, будь хорошей девочкой, – шепчу я.

Раздается шорох шин по гравии, на подъездную дорожку выкатывается длинный черный лимузин и останавливается прямо перед нами. Из него выбирается водитель и торопливо огибает машину, чтобы открыть заднюю дверцу.

Наружу показывается нога матушки в серебристой туфельке на высоком каблуке. Я уже предвкушаю, как примерю красивую обувь чуть позже вечером. Затем появляется голубой просвечивающий подол платья, и шофер помогает пассажирке выбраться наружу. Она придерживает соломенную шляпку и поправляет большие солнечные очки. Волнистые светлые волосы струятся по спине.

Матушка – самая прекрасная из всех виденных мной женщин и может затмить любую из голливудских знаменитостей. Мы иногда собираемся все вместе и смотрим фильмы вроде «Касабланки» и «Встреть меня в Сент-Луисе» с красивыми актрисами. Но никто из них не сравнится с ней.

Увидев нас, мама застывает и распахивает объятия:

– Мои дорогие!

Сэмюель и Генри тут же срываются с места и бегут к ней, Милли ковыляет следом. Беверли Джин неуверенно оглядывается на меня, словно не знает, «круто» ли демонстрировать свои чувства так откровенно теперь, когда ей уже исполнилось целых семь лет.

– Вперед, – подбадриваю я, и сестренка устремляется за малышами.

Матушка наклоняется и старается обнять всех детей разом, целует их щечки. Ее счастливый смех разливается, как мед.

В ее присутствии все становится лучше. Могу поклясться, даже небо приобретает особенно синий оттенок.

Мы с Каспианом и Карлой стоим рядом с тетушками. У нас еще будет время поприветствовать маму. Сейчас же она больше нужна младшим.

Подхватив Милли на руки, она плавной походкой направляется к нам, а остальные следуют позади, как утята.

– Боже мой, как же я скучала! – Матушка снимает солнечные очки и целует каждого из нас. Похоже, у нее новые духи. Нужно не забыть спросить позднее, что это за аромат. Воз-

можно, она даже разрешит их нанести. – Я привезла подарки, – воркующим тоном произносит мама.

Генри и Сэмюель тут же начинают подпрыгивать от нетерпения.

– Ты купила мне ружье? – жадно интересуется младший из братишек. Светлые кудряшки обрамляют круглое личико с большими и карими, как у лани, глазами.

– Ружье? – Матушка опускается перед сыном на одно колено. – Зачем оно тебе?

– Чтобы стрелять в плохих людей.

– Только когда подрастешь, – улыбается она, а затем оборачивается к веснушчатому Сэмюелю, который широко улыбается, демонстрируя два отсутствующих передних зуба. – А ты, Сэм, что бы хотел получить в подарок?

– Новые картриджи! «Пакман»! Или «Братья Марио»! – от возбуждения его голос срывается, и Карла презрительно фыркает.

– Будь добрее, дочка, – упрекает ее мама.

К гостю приближается тетушка Джоан.

– Вас ожидает чай и кофе, если желаете освежиться с дороги.

– Хочу еще немного побыть с детьми. – Матушка берет обе мои руки в свои и притягивает к себе. – Тебя мне не хватало больше всех, – шепчет она мне на ухо.

– Я так рада, что ты приехала, – на глаза наворачиваются слезы, и она утирает их.

– Я тоже, милая. Зато привезла тебе пряжу для вязания. Напомни потом ее отдать. Желтые и зеленые нити просто потрясающих оттенков!

Затем мама обнимает Карлу и Каспиана. Демонстрировать, насколько мы все скучали, кажется эгоистичным поступком, ведь они с отцом управляют Коммуной, а матушка еще и постоянно занимается благотворительными кампаниями и погружена в хлопоты с утра до ночи, так что едва остается время на сон. Мы знаем, как ей хотелось бы чаще бывать дома, но ее работа слишком важна.

Поэтому я не собираюсь тратить на грустные мысли ни секунды от визита родителей.

Обняв всех нас, мама занимает место в шеренге и кивает шоферу, который спешит к задней дверце с другой стороны лимузина, чтобы открыть ее. Высокая фигура отца появляется над сияющей черной крышей.

Солнечные лучи струятся сквозь кроны деревьев и падают на его густые каштановые волосы. Он словно парит в воздухе, огибая машину. Простая хлопковая рубашка навывпуск, такие же штаны и отсутствие обуви лишь подчеркивают неторопливую безмятежность мужчины. Как бы мне хотелось обладать такой же уверенностью в себе и хотя бы половиной его уравновешенности!

Отец останавливается в паре футов перед шеренгой. Мы тут же одновременно расправляем плечи и выпрямляемся с доведенным за многие годы совершенством. Глава семьи вглядывается в наши лица, будто стараясь что-то обнаружить. Мне ни разу не удалось определить, что именно он ищет.

– Дети, – спустя какое-то время произносит отец. Все молча внимают, и даже Милли умудряется сохранить тишину. – Я жду, что вы хорошо вели себя в мое отсутствие и слушались Джоан и Барб. В их отчете я желаю получить исключительно превосходные комментарии. Это ясно?

– Да, сэр, – в унисон отзывается мы.

– Отлично. Эта поездка меня утомила. – Лицо отца становится менее суровым, и он делает шаг в мою сторону. – Как у тебя дела, Пайпер? Тренируешься в плавании?

– Каждый день. А еще я связала новое одеяло.

Родители занимаются благотворительностью, жертвуют одеяла и шарфы от имени членов Коммуны в пользу приютов. Так что я стараюсь связать хотя бы один-два предмета в месяц.

Меня крайне расстраивает мысль о том, что люди Внешнего мира не могут позаботиться друг о друге и отдают детей в приюты.

Отец целует меня в макушку.

– Рад это слышать. Пока я буду гостить, мы вдвоем отправимся на прогулку. Расскажешь, что ты задумала.

С этими словами папа шествует в сторону дома, как король, вернувшийся в замок.

Спустя мгновение матушка сбрасывает с себя оцепенение, которое частенько охватывает людей после общения с отцом.

– Идемте же! Мне срочно нужно выпить!

Когда все разворачиваются к дому, из лимузина выбирается Томас. Мы с Касом задерживаемся, сгорая от нетерпения его встретить. Последний из пассажиров одет во все черное. Привлекательные, как у брата, черты лица заострились, под глазами залегли тени, а каштановые волосы отросли.

– Мы скучали, – обнимая Томаса, произносит Каспиан. – Рад, что ты вернулся. Без тебя здесь все кажется другим.

– Ну? Как тебе жизнь в поселении? – Я едва не подпрыгиваю от нетерпения. – Расскажи нам все! Не пропускай ни одной подробности! Мы так гордимся тобой.

– Все отлично, – говорит Томас бесстрастным голосом без тени привычной улыбки. – Думаю, следует догнать остальных.

– Ну же, ты должен поведать нам хоть что-то! – Я дергаю его за рукав.

– Обязательно. Только позднее. Дорога сильно меня утомила.

Я в замешательстве бросаю взгляд на Каспиана, и он берет меня за руку, как всегда, когда нервничает. Обычный жест, я, например, грызу ногти. Привычка, и ничего больше. Но поглаживание большим пальцем тыльной стороны моего запястья намекает, что это *могло* бы оказаться чем-то большим. Кожу приятно покалывает, пока я раздумываю, как поступить: ответить пожатием или выпустить руку парня.

Я выбираю последнее.

Это то, чего хотел бы от меня отец.

Томас зевает.

– Я кое-что тебе привез, Пайпер. – Должно быть, у меня на лице отражается удивление, потому что он наконец улыбается. – После наступления темноты занесу к вам в комнату, хорошо?

– Спасибо. – Я обнимаю друга, и он крепко сжимает меня в ответ. – Я так рада, что ты дома.

– А мне ты подарок не забыл? – Кас выпячивает нижнюю губу в преувеличенно расстроенной гримасе.

Его старший брат лишь неодобрительно качает головой.

Мы втроем проскальзываем в гостиную, где расставлены вазочки с выпечкой, чашки с чаем и кофе. Тетушка Джоан вручает матушке любимый напиток: бокал мартини с тремя оливками, после чего та опускается в мягкое кресло и снимает шляпу.

– Именно то, что нужно. Благодарю.

Затем подносит фужер к носу, глубоко вдыхает, закрыв глаза, и тут же отдает обратно. Тетушка выносит бокал на улицу и выливает содержимое в траву. До того как вступить в Коммуну, мама иногда употребляла алкоголь, и теперь отец иногда проявляет снисходительность к старым привычкам, чтобы испытать приверженность новым ценностям. Спиртное строго запрещено, так как притупляет чувства, делает нас слабыми и открывает путь заболеваниям.

Тетушки машут в сторону диванов, приказывая нам сесть, и мы послушно занимаем места. Милли пытается взобраться к матушке на колени, но отец перехватывает малышку.

– Ваша мать нуждается в отдыхе, – сурово произносит он, однако младшая дочь продолжает пинаться и вопить. Тогда он прикладывает ладонь девочке ко лбу, закрывает глаза и пытается ее успокоить, но ничего не выходит. Забрав Милли, мама сажает ее на колени и заново затягивает развязавшийся пояс.

– Расскажите, что у вас здесь происходило, пока нас не было. Со всеми деталями, – просит она, баюкая уткнувшуюся ей в плечо малышку.

Отец ерзает на кресле рядом с женой, с силой сжав челюсти, обхватив себя руками и разминая шею, словно никак не может найти удобное положение. Я стараюсь не смотреть в его сторону, но настороженно ловлю каждое движение краем глаза. Кас с Томасом тоже наблюдают за главой семьи, но младшие дети полностью поглощены беседой и ничего не замечают.

Генри и Сэмюель рассказывают матери про пойманную на пляже лягушку, которую теперь держат в террариуме у себя в спальне.

– Мы назвали ее Капитан Джон Уэйн, – вдохновенно вещает младший мальчик.

Затем настает черед Беверли Джин делиться историей, как она научилась готовить яблочный пирог, который ждет нас на десерт после ужина, а также сплела кашпо для цветов. Карла демонстрирует собственноручно изготовленное бисерное ожерелье.

– Я так горжусь всеми вами! Как же нам повезло с детьми, – радостно улыбается матушка. Затем переводит взгляд на брата Каспиана. – Да еще и Томас приехал с нами погостить впервые после посвящения. Не могу передать, как же я счастлива!

Отец кивает, подходит к юноше и похлопывает его по спине.

– Томас – настоящая находка для Коммуны. Сюда же он прибыл с особым поручением, про которое я расскажу позже.

– Благодарю, Кертис, – отзывается гость, не поднимая глаз от пола.

– Надеюсь, тетушки не слишком сурово вас воспитывали в наше отсутствие, – произносит мама.

Мы с Каспианом обмениваемся взглядами. Конечно же, они слишком сурово с нами обращались. Но мы не можем рассказать об этом родителям. Когда они уедут, опекунши заставят нас поплатиться за каждую жалобу.

– Вовсе нет, – отвечаю я и улыбаюсь тетушке Барб. Та отводит глаза.

Отец устало растирает виски.

– Поездка выдалась долгой, дети, и теперь нам нужно немного отдохнуть. Встретимся за ужином. – Он берет матушку под локоть и сопровождает по лестнице вверх.

– Чтобы на одежде не было ни пятнышка! – ворчит тетушка Джоан, убирая вазочки с выпечкой прежде, чем мы успеваем хоть что-то попробовать. – За стол сядем только через несколько часов.

– Но малышам нужно побегать на улице, чтобы избавиться от лишней энергии, – возражаю я. – Может, переодеть их пока в старые вещи?

– Ты же знаешь, вашей матери это не понравилось бы.

– Ну хотя бы просто выпустите детей погулять. Я прослежу, чтобы никто не запачкался.

– Хорошо. Но если они посадят на новые наряды хоть одно пятно, отвечать за это будешь лично ты.

– Договорились. – Я поднимаюсь с дивана и пожимаю женщине руку.

Остальные сидят смирно, пока опекунши не выходят из комнаты.

Глава четвертая

После

Женщина ждет за дверью в ванную, разговаривая с кем-то. Я заворачиваюсь в полотенце и ложусь на коврик, отчаянно желая по-детски засунуть большой палец в рот и перенестись обратно к родителям, братьям и сестрам.

Однако раздается стук и внутрь входит тюремщица, немедленно высасывая весь воздух из помещения. За ее спиной исчезает контур мужской фигуры.

– Не хотела так врываться, – произносит женщина, – но ты пробыла здесь больше часа. Стараюсь незаметно для нее утереть навернувшиеся слезы. Отвечать я не собираюсь.

Собеседница опускает на пол рядом со мной стопку белья и комментирует, похлопывая по ткани:

– Чистые вещи. Когда оденешься, спускайся на кухню, будем завтракать. Я приготовила блинчики с черникой и тосты с клубничным джемом.

Женщина улыбается, но я игнорирую ее.

После ее ухода я натягиваю новую одежду. Шорты слишком низко сидят на бедрах, а футболка с противной розовой надписью «Без границ» спадает с одного плеча.

Опекунша даже не удосужилась узнать мой размер и подобрать вещи, которые бы подошли. Не удивлюсь, если мне достались чьи-то обноски.

Я касаюсь дверной ручки, но боюсь ее повернуть. Снова чувствую запах окислителя для волос, более сильный, чем раньше. Перед глазами мелькают вспышки и круги.

Не могу вспомнить, каким образом здесь оказалась, и из-за этого чувствую себя глупой и слабой. Отец всегда говорил, что знания – это сила. У меня нет знаний. Я бессильна.

Я выхожу наружу. В коридоре темно, так что я пробираюсь на ощупь, неуверенная, туда ли иду. Вдоль стен выстроились закрытые двери. Дергаю одну из ручек: заперто.

Везде заперто.

Спотыкаясь, я спускаюсь по лестнице и оказываюсь в просторной комнате. Стены здесь тоже белого цвета. Как и мебель. Похоже на больничное помещение. Лишь на панорамном стекле висит красная призма, отбрасывая цветные блики на противоположную стену.

Это место так отличается от дома, где на подоконниках рядами стояли букеты полевых цветов в банках из-под колы.

– Ты голодна? – раздается слева от меня голос женщины. Она стоит в соседней комнате, отделенной широким дверным проемом, и опирается на холодильник.

Желудок тут же рычит, как прожорливый зверь, и я иду на запах, доносящийся от накрытого деревянного стола. На поверхности постелена единственная салфетка, рядом с тарелкой лежат две белые таблетки. Я отодвигаю их в сторону.

Но тосты с джемом – моя слабость. Мамин клубничный джем – самый лучший в мире. Она даже выиграла приз на фестивале, когда я была маленькой. Ее улыбка в тот день заключала для меня всю вселенную. Отец сделал тогда фотографию: я у мамы на руках. Нам все завидовали.

Я не ела так давно, что перед глазами танцуют черные точки. Собираюсь спросить, натуральным ли образом выращены ягоды черники и не отравлена ли клубника инсектицидами.

Но решаю в любом случае все съесть.

Мне понадобятся силы, так как я собираюсь сбежать отсюда.

* * *

После завтрака женщина приказывает пройти в гостиную, чтобы встретиться с доктором, который хочет мне помочь.

На каминной полке стоят рамки. В них заперты фотографии двух улыбающихся девочек. Одна из них, с отсутствующим передним зубом, на первом снимке едет на велосипеде, на другом – обнимает куклу. Третье изображение совсем выцвело и расплылось. На нем с трудом можно различить вторую малышку. Она плещется в детском бассейне.

Ко мне подходит женщина. Ее дыхание и тиканье часов – единственные звуки в помещении. Она нервно откашливается и указывает на мужчину, который сидит на диване.

– Ты готова, Пайпер?

– Здравствуй, Пайпер. Я доктор Люндхаген, но если хочешь, можешь звать меня Оскаром. – Собеседник облизывает полускрытые усами губы, поправляет ворот водолазки, надетой под темно-серый пиджак, и теревит на запястье толстый браслет золотых часов.

Отец говорит, только глупцы вожделеют богатства.

Женщина неуверенно делает шаг ко мне.

– Оскар пришел, чтобы побеседовать с тобой. О том, что ты чувствуешь.

– Ты не против? – спрашивает доктор. Несколько темных волосков из носа свешиваются на усы.

Я пожимаю плечами, но не двигаюсь с места.

Мужчина смотрит на женщину, и та исчезает из комнаты. В коридоре открывается и закрывается дверь.

И я остаюсь наедине с очередным незнакомцем.

Он вежливо откашливается.

– Может быть, желаешь присесть? – он указывает на противоположную часть дивана. Почти всю стену рядом с ним занимает стеллаж, заставленный фарфоровыми статуэтками.

Их глаза мертвы.

Вместо этого я перетаскиваю через всю комнату стул с высокой спинкой и усаживаюсь напротив доктора, стараясь держаться очень прямо. Он же, наоборот, откидывается на диван и занимает позицию ниже, чем моя. Слабак.

– Спасибо, что согласилась поговорить со мной, Пайпер. Знаю, как тебе сейчас нелегко.

В ответ я лишь молча смотрю на собеседника, хотя так и хочется указать на очевидный факт, что на самом деле я не произнесла ни слова. Рука сама собой тянется к ожерелью на шее, чтобы дотронуться до зеленого камня подвески. Мама рассказывала, что амазонит означает храбрость. Как всегда, он прохладный на ощупь.

Мужчина сцепляет руки в замок. Все пальцы покрыты черными волосками.

Я отрыгиваю после поглощения блинчиков, но тут же сглатываю, не моргнув и глазом. Ингредиенты блюда наверняка состоят из сплошных консервантов, которые вымывают питательные вещества из клеток тела и травят меня.

– Как ты привыкаешь к новому дому? – Брови собеседника приподнимаются в попытке изобразить заботу. – Ты ведь находишься здесь уже больше недели, так?

Неделю? Так долго?

– Джинни говорит, что ты совсем мало ешь, – продолжает доктор, почесывая затылок.

Значит, женщину зовут Джинни. Какое ужасное имя! Просто нагромождение согласных, гласных и лжи.

– Appetit скоро вернется, обещаю. Тебе пришлось многое пережить, Пайпер. Ничего страшного, если ты чувствуешь дезориентацию и тревогу. Вокруг все непривычное и наверняка кажется слегка странным. Шок – обычное дело в таких случаях.

Доктор пристально смотрит на меня, ожидая хоть какого-то ответа, но наконец вздыхает:
– Должно быть, я тоже выгляжу странно. Понимаю. Может, мы сумеем пообщаться в другой раз, когда тебе станет лучше. Я очень хочу тебе помочь, Пайпер. Все сказанное тобой останется между нами.

Сразу после его слов пол в коридоре скрипит. Тюремщица подслушивает.

Глава пятая

До

Щегол прыгает в траве, солнце и тени неровно ложатся на его желтые перья. Я облокачиваюсь на аттракционный электромобиль и наклоняюсь вперед, стараясь рассмотреть, как птица клюет зерна. Когда мы только переехали сюда, эти машинки стояли на металлической платформе, но отец демонтировал ее после удара молнии. Теперь весь состав автодрома ржавеет в траве.

Мы все иногда приходим сюда, чтобы поболтать или почитать, сидя внутри кабинок. Сэмюель с Генри притворяются, что управляют ракетами в космосе. Беверли Джин превращает электромобили в домики для бумажных кукол.

Я отхожу в сторону, вглядываясь в траву под ногами. Матушка выглядит более утомленной, чем обычно, и мне хочется приободрить ее букетом полевых цветов. Мое внимание привлекает яркое пятно мака, и я добавляю его к пучку желтых лютиков и голубых немofil. Пока я оттираю грязное пятно с ладони, ко мне приближается Кас.

– Собираешь цветы для Анжелы? – пиджак он оставил дома, а рукава белой рубашки закатал до локтей, обнажив мускулистые предплечья.

Я с трудом отвожу от них взгляд.

– Как ты узнал, где меня искать?

– Мне прекрасно известны все твои излюбленные места. – В голосе Каса слышна улыбка. Он садится на капот лимонно-желтой машинки и откидывается назад. – Могу я кое в чем тебе признаться? Но только не расстраивайся.

– Не могу обещать. Все зависит от того, что именно ты скажешь. – Я забираюсь рядом с другом, как обычно, но на этот раз оставляю между нами дополнительное пространство.

Воздух тут же начинает потрескивать от электрических разрядов. Наверное, это возвращение отца действует таким образом. Сегодня кажется возможным абсолютно все.

Каспиан поворачивается ко мне, его брови недоуменно сведены:

– Я не так счастлив видеть Кертиса и Анжелу, как должен бы.

Он всматривается в мои глаза, будто ожидает обнаружить в них согласие или упрек. Будто все зависит от того, что я сейчас скажу.

Я никогда не обманывала Каса раньше и не планирую начинать сейчас.

– Слушай, – я стараюсь говорить спокойно, – прекрасно понимаю, как тяжело жить здесь без родителей. Но они каждый день много трудятся, чтобы обеспечить наше благоденствие и безопасность. Меньшее, что мы можем, – выразить свою признательность. А она проистекает от положительных мыслей. Нужно с корнем вырывать дурные идеи, в точности как сорняки в саду, иначе они начнут отравлять нас.

Каспиан кивает и отводит взгляд.

– Ты права. Конечно же, ты права.

– Ты можешь рассказывать мне абсолютно все, ты же знаешь.

– Да, знаю. – Он по привычке тянется к моей руке, но так и не берет ее.

Кас так и искрится от напряжения, словно молния, которая ударила в металлическую платформу. У меня даже возникает желание дотронуться до него, чтобы проверить, не проскочит ли между нами разряд.

– Можно тогда я расскажу тебе еще кое-что забавное? – неуверенно спрашивает друг, медлит, а потом все же решается: – Когда мы с Томасом только переехали сюда, я был просто ужасно в тебя влюблен.

– Серьезно? – Я чувствую, как замирает сердце.

Кас бросает на меня смущенный взгляд.

– Ага. Даже боялся разговаривать с тобой. Каждый раз язык намертво прилипал. Брат так надо мной смеялся...

– А я думала, ты меня ненавидел!

– Не-а. А теперь мы на всю жизнь неразлучны. – Он забирает у меня букет. – Нужно найти еще цветы, а то этот пучок выглядит слегка жалко. – Кас спрыгивает с машинки и протягивает мне руку. – Прогуляемся?

Мы углубляемся в лес. Я бреду следом за приятелем, огибая деревья и перебираясь через покрытые мхом валуны и поваленные стволы. Опустив голову, он высматривает в траве цветные пятна. Вокруг все наполнено магией, и я благодарю про себя отца, подарившего нам этот мир.

– Какая прелесть! – восклицаю я, опускаясь на колени, чтобы сорвать красный бутон в форме клубничины.

– Не трогай! – предупреждает Кас. – Это чертополох. Он колючий.

– Но он такой красивый. И цвет такой насыщенный... – Я осторожно касаюсь пальцем стебля, но не чувствую никаких шипов. – Маме он наверняка очень понравится.

– Осторожно, не поранься. Дай я его сорву. – Слегка запыхавшийся парень присаживается рядом на корточки, выдергивает из земли несколько растений и засовывает их в самую середину букета.

– Идеально! Спасибо!

Кас смущенно улыбается.

Мы продолжаем путь, все дальше заходя в тенистый бор. Вдоль тропинки растут папоротники, над головой высятся сосны. Приятель внезапно останавливается, поднимает шишку и несколько секунд ее разглядывает.

– Мне кажется, она упала с сосны Культера. Видишь, как встопорщены чешуйки? Напоминает ананас, правда?

– Откуда ты так много знаешь о видах деревьев?

– Здесь особо нечем заняться, кроме как полоть кукурузу да читать. – Он подбрасывает шишку в воздух и ловит. И еще раз. И еще.

Во время очередного броска я пытаюсь ее перехватить, но лишь сбиваю на землю. Мы с Касом оба со смехом бежим ловить кувыркающуюся потерю. Он успеваешь первым. Я останавливаюсь, откидываю с лица волосы и изумленно выдыхаю.

Перед нами возвышается ограждение из сетки-рабицы, которое окружает нашу территорию по периметру. Сверху на заборе натянута колючая проволока.

В воцарившейся тишине слышно только стрекотание цикад.

– Нужно уходить отсюда, – шепчу я.

Каспиан приближается к заграждению, хватается за сетку одной рукой и встряхивает.

– Обычный забор, – комментирует он, сжимая другой рукой собранный для мамы букет.

– Внешний мир опасен. Мне будет спокойнее, если мы пойдем домой.

– Ты когда-нибудь хотела перебраться через ограду? Просто посмотреть, что находится там, снаружи? – спрашивает Кас, оборачиваясь ко мне.

– Нет, никогда! – Я отшатаываюсь. – Пожалуйста, отойди от сетки. Ты меня пугаешь.

– Интересно, кто-нибудь раньше уже пробовал перелезть через забор? – Приятель осторожно кладет цветы на землю и хватается за проволочные ячейки обеими руками.

– Прекрати! Ограждение установили здесь неспроста. Мы и так уже провели тут слишком много времени. Нужно возвращаться. Я должна проследить, чтобы малыши не запачкали одежду.

– Не переживай. Я просто хочу проверить, сумею ли это повернуть. – Парень подтягивается на руках, просовывая ступни в крупные ячейки сетки.

– Кас, хватит! Что ты творишь? Спускайся!

– Да все нормально! Это легко! – отзывается он, подбираясь все ближе к верхней кромке забора. К Внешнему миру.

Я чувствую, как вспотели ладони, и вытираю их о платье. В кустах за оградой что-то шуршит, а деревья будто начинают надвигаться на нас со всех сторон.

– Пожалуйста, стой! Я поднимаюсь к тебе. – Я торопливо подбегаю к сетке и принимаюсь карабкаться вверх, стараясь не отрывать взгляда от забора и не обращать внимания на опасность снаружи. Пот течет по лбу, ладони горят огнем. Когда я приближаюсь к другу, то отрываю одну руку от ячеек, чтобы схватить его, но нога тут же соскальзывает.

Я лечу вниз и с размаху приземляюсь на копчик, едва не прикусив язык.

– Пайпер! – Каспиан спрыгивает с ограждения, подбегает ко мне и помогает подняться. – Ты в порядке? – На лице его написана тревога. – Прости меня. Я просто дурачился. Клянусь.

Я убираю руки за спину, чтобы не показывать, как они трясутся.

– Пожалуйста, никогда так больше не делай. – Я отряхиваю платье, которое, к счастью, не запачкалось, и поднимаю с земли букет. Один из лютиков переломился – должно быть, я на него упала, – так что вытаскиваю поврежденное растение из пучка. – Этот цветок безнадежно испорчен.

Кас берет желтый бутон и заправляет его мне за ухо.

– Видишь? Все он не испорчен. Он идеален.

Я дотрагиваюсь до мягких лепестков и улыбаюсь. Сердце до сих пор бешено колотится.

Здесь Внешний мир нас не достанет. Ограда нас защитит.

Нужно лишь оставаться на правильной стороне.

Глава шестая

До

Отец утверждает, что люди верят не уму или сердцу.

Они верят глазам. А мы помогаем прозреть.

Родители выходят из спальни за час до ужина.

– Наступила пора снимать фильм, – произносит матушка.

Она обожает видео с запечатленными кадрами домашней жизни и постоянно смотрит его с остальными жителями поселения. А отец даже использует отснятый материал для привлечения новых членов Коммуны.

– Все любят наблюдать за счастливыми семьями, – не устает повторять мама.

Я проверяю одежду малышей. Генри с Сэмюелем осторожно чертили на песке ветками. Я наскоро осматриваю наряд братишек и с облегчением убеждаюсь, что они не испачкались. На Милли я натянула огромный передник, как только родители отправились отдыхать. Сейчас он весь в грязи, зато на платье нет ни пятнышка. Кажется, все выглядят вполне прилично.

Замечаю переодевшегося в костюм Томаса. Я несколько раз пыталась застать его одного, чтобы расспросить о жизни в поселении, но Сэмюель с Генри никак не желали оставлять гостя.

Отец держит видеокамеру на плече, пока мама расставляет нас на лужайке, как кукол.

– Давайте сыграем в салки, – предлагает она, оглядываясь на мужа. Тот одобрительно кивает. – Хочу видеть ваши улыбки и слышать смех. Веселее, энергичнее!

Матушка приглаживает волосы Карлы, ломкие от обесцвечивания. А стоящая сегодня влажность и вовсе превратила их в сплошное огромное пушистое облако на голове.

– Пайпер! Принеси ленту и сделай прическу сестре. Не могу смотреть на этот кошмар.

Торопливо вбежав в дом, я обшариваю нашу спальню в поисках белой тесемки, чтобы подходила к поясу. На столе лежит альбом для набросков Карлы, и я осторожно открываю его, прекрасно понимая, что строптивая девчонка убила бы меня, если бы застала за подглядыванием. В последнее время она стала крайне скрытной и угрюмой, и я предполагаю, что обнаружу соответствующие рисунки. Но ошибаюсь. Все они прекрасны: профиль Милли, озеро с контурами танцующих на берегу фигурок. Но больше всего мне нравится изображение лилии. Свет и тени переданы настолько замечательно, что я касаюсь листа, наполовину ожидая ощутить под пальцами мягкость лепестков настоящего цветка. Когда Карла была маленькой, то рисовала различные растения на камнях и прятала их для нас по всему саду. Мы так радовались каждой находке! Я осторожно закрываю альбом и улыбаюсь при мысли, что моя милая мечтательная сестренка до сих пор скрывается внутри подростковой девочки. Я ее не потеряла.

Спускаясь вниз по лестнице, я слышу, как тетушки сплетничают на кухне. Должно быть, им нелегко присматривать за чужими детьми. На самом деле они даже не являются нашими родственницами. Просто состоящие в Коммуне женщины. Большая часть последователей отца живут вместе с ним в поселении за многие мили отсюда. Я частенько размышляла, сами ли решили тетушка Джоан и тетушка Барб стать нашими опекунами или им навязали эту обязанность.

– Он нашел еще одного, – шепчет старшая из собеседниц.

– И где же?

– Не знаю, но нам и этих хватает с лихвой!

Когда я вхожу, сплетницы резко поворачиваются.

– Ты должна быть на улице, Пайпер. Вы же вроде бы снимали видео, – гася сигарету, комментирует тетушка Барб.

Курить строго запрещено. Она нарушила правила. Обязательно нужно сообщить об этом отцу. Я демонстрирую ленту.

– Мама велела принести. Волосы Карлы растрепались.

– Тогда почему ты еще здесь? – прогоняет меня наружу тетушка Джоан.

Под палящими лучами солнца я подхожу к сестре, приглаживаю ее непослушные пряди и завязываю лентой.

– Носи такую прическу чаще, – говорю я. – Чтобы все могли видеть твое симпатичное лицо.

– Хватит нести чушь, Пайпер. Я знаю, как на самом деле выгляжу, – Карла дотрагивается до прыща на подбородке.

– Прекрасно ты выглядишь, как я и сказала.

– Я совершенно не похожа на вас с мамой, и ты отлично это понимаешь.

Как жаль, что сестра не может посмотреть на себя моими глазами.

– Внимание, начали! – кричит отец, и мы начинаем играть.

Матушка бросается к Милли, делает вид, что промахнулась, и дотрагивается до игрушечного жирафа. Малышка заливается счастливым смехом. Забава длится недолго, и вскоре мы все рассаживаемся вокруг мамы. Младшие дети целуют и обнимают ее, а она широко и заразительно улыбается.

Кас придвигается и привычным жестом обнимает меня за плечи. Сердце снова замирает в груди. Лицо парня находится так близко. Я оборачиваюсь и встречаю его внимательный взгляд. Улыбаюсь и смотрю на матушку, но все мое внимание на самом деле сосредоточено на тепле, исходящем от тела друга.

Я должна немедленно отодвинуться и забыть об этих новых чувствах. Отец говорит, что свидания, мастурбация и секс отвлекают нас от настоящей цели. При организации браков среди членов Коммуны любовь не является решающим фактором. Поэтому я гоню прочь неподобающие ощущения и украдкой проверяю, прочитал ли отец мои мысли. Но он занят, вглядываясь в младших детей.

– Стойте, стойте! – вдруг кричит он, нажимая кнопку на камере. Затем подходит к Генри и прикасается к его рубашке. На воротнике видно пятно грязи. – Что это такое? – требовательно интересуется глава семьи.

– Мы играли с Сэмми, – отвечает перепуганный мальчик дрожащим голосом, – возле озера, на пляже.

– Пайпер, это ты им позволила? – отрывисто бросает отец.

Сердце тут же уходит в пятки, и я быстро отодвигаюсь от Каспиана.

– Прости меня. Я велела им вести себя осторожнее.

На самом деле с моей стороны было нечестно просить Карлу присмотреть за малышами, пока я собирала букет для матери.

К отцу подходит Томас.

– Это моя вина, – громко объявляет он. – Пайпер на несколько минут поручила мне наблюдать за детьми, но я отвлекся.

– Томас, – шепчу я, однако парень предупреждающе качает головой.

– Кертис, никто и не заметит этого пятна, – произносит мама, касаясь моей руки.

– Эти видео должны получиться идеальными, ты же знаешь, Анжела, – тяжело вздыхает отец.

– Уверена, никто из них не хотел ничего плохого, – отзывается она, нервно приглаживая волосы, и тут же краснеет, поймав суровый взгляд мужа. – Что-то у меня голова разболелась, – слабо добавляет матушка и, пошатываясь, бредет в сторону дома, не обратив внимания даже на зовущую ее Милли. Я беру малышку на руки.

– Плохая Пайпер, – всхлипывает сестренка, а затем кладет голову мне на плечо, пачкая платье текущими из носа соплями.

Отец открывает крышку видеокамеры и извлекает кассету.

– Томас, тебе следует быть более ответственным. Особенно во время этих визитов. Ты же знаешь, как они важны – для меня, для твоего будущего, для нашей цели. Когда придет время, я должен быть уверен, что могу на тебя положиться. Стоит отвернуться на одну минуту или даже на одну *секунду*, и все наши планы вылетят в трубу!

Молодой человек кивает и расправляет плечи.

– Этого больше не повторится.

– Лучше бы так и было! В качестве наказания будешь до завтра копать ямы. Только так ты ощутишь последствия ошибок. По яме на каждого из детей и одну для себя. И заверши работу к рассвету.

– Так точно, сэр.

Коммуна выполняет невероятно ответственную миссию: помогает нуждающимся людям, разрабатывает методы экологичной обработки посевов, распространяет мудрость проповедей отца. Он даже изобрел технику медитации, которая предотвращает чужое проникновение в сознание.

Он спасает мир, и я собираюсь пойти по его стопам. Полгода назад мне исполнилось семнадцать лет, а Касу через пару месяцев будет восемнадцать. Поэтому все мои мысли занимает посвящение, несмотря на то что отец ни разу об этом не упомянул. Необходимо убедить его сейчас, что я готова к испытанию, иначе, боюсь, мне никогда не вступить в члены Коммуны.

Если бы он решил, что это я сегодня совершила ошибку...

Не говоря больше ни слова, отец разворачивается и идет в дом. Я передаю Милли Карле, и они вместе с Беверли Джин отправляются следом. За ними по пятам шагает Каспиан, ведущий за руки Генри и Сэмюеля. Томас так и остается стоять на берегу озера.

– Ты не должен был брать вину на себя, – говорю я, хотя отчасти испытываю облегчение.

– Я поступил так, как посчитал необходимым. – Брат Каса неотрывно смотрит в сторону воды. Он ни разу не улыбнулся с тех пор, как приехал в гости.

– У тебя все хорошо? – тихо спрашиваю я.

– Что ты имеешь в виду? – резко оборачивается ко мне собеседник.

– Просто ты выглядишь таким... суровым. Словно сердисься на нас. Мне очень жаль, что сейчас все так вышло. Извини меня, пожалуйста. Никогда себе не прощу, если мы из-за этого посоримся.

– Я не держу на тебя зла, Пайпер. И никогда не смогу на тебя обижаться.

– Я беспокоилась, – едва слышно выдыхаю я. – Что будем смотреть вечером? Сегодня воскресенье, помнишь? Думаю, можно заново начать с первой серии «Морка и Минди»³, если хочешь.

По воскресным вечерам нашей с Томасом традицией уже давно стал просмотр видео. Уложив малышей спать, мы спускались в гостиную и включали телевизор. Ровно на час. Отец записал на кассеты множество сериалов: «Счастливые дни», «Все в семье», «Факты из жизни» – можно выбирать, что понравится. Энергию генератора тратить нельзя, поэтому мы всегда следили, чтобы уложиться в отведенный лимит времени. Кас хотел присоединиться к нам, но тетушки постоянно поручали ему дополнительную работу либо в огороде, либо в подвале. Томас перебрался жить в поселение сразу после того, как мы закончили смотреть «Идеальных незнакомцев». После отъезда брата Кас старался заменить его, но задавал слишком много вопросов о героях, да и вообще не считал Робина Уильямса особенно забавным. Кроме

³ Здесь и далее – названия популярных американских ситкомов 80-х гг.

того, это являлось лишь нашей с Томасом традицией. Он всегда был мне как брат, так что с его возвращением я чувствую себя спокойнее.

– Я устал, – тем временем произносит собеседник, потирая переносицу. – Давай отложим просмотр до следующего воскресенья. Думаю, я еще буду здесь.

– Конечно. Очень рада твоему приезду. – Я через силу выдавливаю улыбку и обнимаю друга. Он крепко сжимает меня в ответ и еще долго не отпускает.

Глава седьмая

До

Мама не спускается на ужин, и мы едим в полной тишине. Пустующее место за столом похоже на улыбку с отсутствующим зубом.

Ненавижу расстраивать родителей. Нужно было тщательнее проверить одежду Генри.

Каспиан накладывает мне на тарелку еще одну порцию стручковой фасоли.

– Собрал сегодня. Как тебе на вкус?

Я откусываю, вонзая зубы в хрустящую теплую мякоть.

– Потрясающе! Кас, да ты прирожденный садовод, это точно!

– Поможешь мне завтра с урожаем? Фасоли выросло много, и ее нужно всю собрать.

– Уверен? Я могу истребить растение, лишь посмотрев на него. Ты же сам видел.

Когда приятель улыбается, то на его щеке появляется ямочка, и я тут же по привычке касаюсь ее пальцем. Я раньше дразнила Каса, что у него на лице есть лишний пупок. Но теперь жест ощущается совершенно по-другому, и я отдергиваю руку, заливаясь румянцем.

Отец отпивает чай и комментирует:

– Меньше разговаривайте, больше ешьте. Правила нужны, чтобы их соблюдать.

Милли начинает плакать, и Томас принимается кормить ее из бутылочки. Заметив, что я за ним наблюдаю, он улыбается, но глаза остаются при этом серьезными.

– Завтра, дети, начнете покрывать дом еще одним слоем отражающей краски, – говорит отец, откладывая вилку в сторону. – В последнее время радиация вокруг усилилась. Должно быть, правительство установило неподалеку новую вышку сотовой связи.

Я никогда не видела мобильного телефона и, надеюсь, не увижу. Эти приборы служат источником электромагнитного излучения, отравляющего нас. Но отец знает способы, как обеспечить безопасность. В прошлом году мы натянули на внутренние стены дома специальную ткань, которая блокирует радиацию.

– Отличная идея, – поддерживаю я, вызвав улыбку на лице главы семьи. Тут замечаю, что Сэмюэль почти ничего не съел, и спрашиваю его: – Как твой зуб? Все еще ноет?

– Болит весь день, – прикасается к щеке братишка.

– После ужина нанесем еще гвоздичного масла. Новый урожай, что я собрала на прошлой неделе, уже должен быть готов.

* * *

Окончив трапезу, я отвожу в сторону Сэмюэля, чтобы смазать его больной зуб маслом, которое помогает заглушить боль. Кас с Карлой принимаются убирать со стола.

– Спасибо, Пайпер, – шепчет с болезненной гримасой мальчик, после чего убегает к остальным детям, чтобы присоединиться к игре в бадминтон и крокет на лужайке.

Я наполняю водой из насоса жестяное ведро и ставлю его на дровяную плиту. После нагревания Кас затыкает отверстие в раковине, выливает горячее содержимое бадьи и добавляет мыло. Сегодня предстоит вымыть больше посуды, чем обычно.

– Понравились цветы Анжеле? – интересуется он.

– Я поставила букет на прикроватный столик, но она выглядела очень сонной и вряд ли их заметила. В любом случае глупая была затея.

– Все не глупая. Ты самый заботливый человек из всех, кого я знаю, Пайпер. – Кас берет меня за руку.

Я невольно краснею. Никак не могу выкинуть из головы его слова о том, что он когда-то был в меня влюблен.

До того как я успеваю что-то ответить, меня похлопывает по плечу тетушка Джоан:

– Нужно побеседовать.

Приятель немедленно отстраняется, и я иду следом за ней в подвал. Здесь, внизу, находятся спальни наших опекунов, а также небольшая зона отдыха и комната для шитья. Как всегда, тут пахнет плесенью, а свет приглушен.

Тетушка Джоан останавливается возле тумбочки в зоне отдыха.

– Ты обещала присмотреть за детьми и проследить, чтобы они не перепачкались.

– Так и было, – сглотнув, киваю я.

– А я сказала, что ты лично поплатишься, если на их одежде появится хоть одно пятно. Помнишь? – Она вынимает из ящика ремень. – Поднимай платье и поворачивайся.

– Пожалуйста, тетушка Джоан, вы, наверное, шутите? Я уже не ребенок, да и потом, это Томас виноват, а не я.

Как только ложь срывается с губ, я понимаю, что заслуживаю наказания, и невольно провожу языком по сколу на зубе – сувениру с прошлого визита в подвал.

Женщина вздыхает, внимательно глядя на меня. Потом аккуратно кладет ремень на тумбочку.

– Если кто-нибудь спросит, скажешь, что тебе серьезно влетело. А теперь ступай. Выметайся отсюда, пока я не передумала.

Взлетев по лестнице, я застаю в обеденном зале матушку. Она сидит за столом одна и ест холодную курицу. Рядом стоит нетронутый пирог, испеченный Беверли Джин.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– Немного лучше. В этот раз поездка выдалась кошмарной. Ты не представляешь, насколько тяжело одновременно работать, заниматься семьей и помогать вашему отцу в Коммуне. Я настолько вымоталась, что чувствую себя сухим листком, который вот-вот унесет ветром. – Макияж смазан, на щеке виднеется след от подушки.

Я присаживаюсь рядом и беру маму за руку.

– Ты замечательно справляешься. Не наговаривай на себя.

– Что бы я без тебя делала? – с улыбкой произносит матушка.

Я набираю воздух в легкие и на секунду задерживаю дыхание.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы жить с нами постоянно? Или навещать чаще? Здесь так спокойно. Уверена, подобная обстановка пошла бы тебе на пользу. И отцу.

– Пайпер, дорогая, ты же знаешь, что это невозможно. Мне нужно управлять компаниями, а вашему отцу – возглавлять Коммуну. Как считаешь, кто обеспечивает все это? – она обводит комнату широким жестом.

– Вы.

Мама высвобождает руку из моей хватки и принимается нарезать курицу на все более и более мелкие кусочки.

– Я знаю, как сложно это понять, но пока все должно идти так, как заведено. Мы не можем путешествовать туда и обратно по первому желанию. Каждый визит сюда приходится планировать за много недель. Нужно соблюдать осторожность, чтобы не привести никого из Внешнего мира к нашим детям.

– А если мы переедем жить с вами? Уверена, младшим ребятам эта идея особенно понравится. Милли иногда плачет и зовет тебя во сне.

– Стараешься заставить меня почувствовать себя виноватой? – Мама откладывает нож и делает глоток воды. – В поселении условия менее благоприятны. Здесь вы наслаждаетесь солнечным светом, озером, уединением и наилучшим образованием, которое можно купить, – всем, чего хочет или в чем нуждается любой ребенок.

- Я бы помогала заботиться о малышах. Они не станут тебе обузой.
- Значит, такой ты меня себе представляешь, Пайпер? Матерью, которая считает собственных детей обузой?
- Мы просто очень по тебе скучаем, вот и все.
- Она дотрагивается до моей щеки.
- Именно поэтому мы должны провести отведенное нам время с максимальной пользой, а не грустить о том, чего нельзя изменить. Ты меня понимаешь?
- Я киваю, а затем спрашиваю после секундного колебания:
- А отец доволен мной? У меня такое ощущение, что я его постоянно разочаровываю.
- С чего ты это взяла? – Мама роняет вилку, и та звякает о тарелку.
- Сегодня из-за меня он не сумел снять видео. Просто... Похоже, я все время вас подвожу. – Я принимаюсь грызть ноготь. – И он не упомянул про посвящение. Ни разу.
- Ваш отец не такой, как другие люди. Если бы ты только могла видеть, как он разговаривает с последователями! Они нуждаются в нем, как дети в родителях. А он дарит им наставничество, надежду и уверенность в будущем. Живя здесь, в спокойствии, вы просто не знаете, насколько сумасшедшим стал мир. Сам факт того, что вы находитесь в безопасности этого дома, свидетельствует, насколько отец вас любит. И если вы этого не понимаете, то мне остается лишь вас пожалеть.

Глава восьмая

После

Этот дом дышит.

Ждет.

Комнаты постоянно меняют положение. Двери появляются в новых местах, лестницы возникают там, где раньше находились стены.

Иногда, если внимательно прислушаться, можно различить сердцебиение дома.

Каждый раз, когда помещения сдвигаются, женщина утверждает, что здание старое и что не только я путаюсь в коридорах.

– Ты привыкнешь, – уверяет она. – Кроме того, я всегда рядом, чтобы помочь.

Чаще всего я провожу время в отведенной мне комнате, покидая ее только для приема пищи. Притворяюсь, что наклейка в виде ромашки на столе – подарок от матушки, тайное послание только для меня. Я больше ни разу не видела ее с тех пор, как Они забрали всех нас, детей.

Не могу забыть, как рыдала Милли. Жаль, что не удастся стереть это из памяти.

Я провожу пальцами по наклейке, потом смахиваю выступившие слезы. Неизвестно, когда вернется тюремщица, и не хочу доставлять ей удовольствие застать меня плачущей.

Пошарив в верхнем ящике стола, я достаю лист бумаги с ручкой и начинаю делать набросок карты дома. Если удастся сохранить разум ясным, то получится и отыскать путь на свободу.

Записываю то, что знаю.

Меня зовут Пайпер Блэквелл.

Мне семнадцать лет.

Мои родители – Кертис и Анжела Блэквеллы.

Люди из правительства увезли нас с мамой и остальными братьями и сестрами из дома три недели назад.

С тех пор я ничего не слышала ни о ком из них.

Меня заперли в доме, который принадлежит женщине по имени Джинни и находится в северной части Калифорнии. По крайней мере, мне кажется, что в Калифорнии, потому что так написано на газетах.

Иногда я просыпаюсь в странных местах. Либо сама туда прихожу, либо кто-то меня приносит.

Я сажусь на подоконник и выглядываю наружу. Где-то там – моя настоящая семья.

Передо мной простирается море зеленой травы, волнами взбегающей вверх и вниз по пологим холмам. Горизонт обрамляют силуэты сосен. Большинство других зданий виднеются вдалеке, за длинной дорожкой, которая ведет к воротам. Наверняка запертым, как и это окно.

Ближайший дом, белый с черными ставнями, располагается вплотную к забору, который огораживает мою тюрьму. Но я не заметила ни одного человека в соседнем дворе. Или на подъездной дорожке. Или внутри. Должно быть, там никто не живет.

За дверью моей комнаты раздаются шаги. Тихие, осторожные шаги женщины.

Она стучит.

– Я собираюсь в магазин за продуктами. Вернусь через час, хорошо? Оставайся в комнате.

Стоит ей уйти, как я снова пробую отпереть окно, но задвижка не поддается.

Из вентиляционного отверстия в стене вырывается холодный воздух, так что я направляюсь к шкафу, набитому одеждой, не подходящей мне по размеру. Джинсовые юбки, футболки, платья – все выглядит новым, неношеным, чистым. Я натягиваю толстовку, но она оказывается слишком короткой: едва доходит до талии. Читаю надпись красными буквами «Очень стран-

ные дела». Не представляю, что означает эта фраза. Может, название фильма или фирмы. Я стаскиваю свитер и достаю другой. Он тоже короткий, но я сдаюсь и оставляю его.

Затем снова забираюсь на подоконник и наблюдаю, как невероятно блестящая черная машина выкатывается из гаража по подъездной дорожке к ограде. Женщина вылезает с водительского сиденья, набирает код в маленьком ящичке, и ворота тут же распахиваются. Она поднимает глаза на мое окно перед тем, как сесть обратно и медленно поехать дальше. Створки медленно закрываются.

Я со скрипом отворяю дверь и выскальзываю в коридор, захватив набросок карты и ручку.

Комната напротив моей оказывается запертой. И следующая.

Лестница снова изменила положение и теперь поджидает меня в конце другого прохода. Облизываю пересохшие губы, быстро дополняю чертеж новыми линиями и торопливо спускаюсь по ступеням в прихожую. Через витражное стекло на входной двери льются солнечные лучи. Однако ручка не поворачивается, и засов не поддается. Я наклоняюсь и смотрю в замочную скважину. Женщина заперла меня.

Либо сам дом не желает выпускать пленницу.

На полу лежит пара мужских ботинок с развязанными шнурками. Обувь напоминает мне грубые башмаки Каса, поэтому я расшвыриваю ее.

Кухня выглядит так же, как и в последний раз, когда я была здесь. Я обшариваю все ящики, но не нахожу ключа, который мог бы подойти к замку. Зато попадают несколько тупых ножей, и, зажав несколько из них в руке, я спешу к входной двери. Первое лезвие оказывается слишком широким и не помещается в скважину. Пробую следующее, но и оно не подходит. И следующее.

Я решаю оставить один из ножей и спрятать его под матрас. Просто на всякий случай.

Проверяю окна на кухне, в гостиной. Заперто. Передвигаюсь от комнаты к комнате и пытаюсь открыть задвижки, налегая на рамы и не забывая оглядываться по сторонам.

Потом возвращаюсь на второй этаж, снова дергая дверные ручки на всех дверях, и на этот раз комната напротив моей спальни оказывается не запертой. Она наполнена разным барахлом: тканями, старыми настольными играми, фотоальбомами. Даже швейная машинка есть.

И телефон. Черный дисковый аппарат стоит на одной из полок. Дома у нас тоже был похожий, хотя отец давным-давно его отключил. Трясущими руками я снимаю трубку и прикладываю ее к уху.

Гудка не доносится.

Я нажимаю на рычажки и снова прислушиваюсь.

Нет сигнала.

С размаху швыряю трубку.

В животе раздается урчание, и я возвращаюсь на кухню, открываю холодильник. Внутри на пластиковых полках ровными рядами выстроились овощи, а бутылки с молоком загораживают, как часовые, наполовину съеденный яблочный пирог. Пальцами отколупнув кусок выпечки, я запикиваю его в рот, держа над раковиной. По подбородку стекает липкий сладкий сироп.

Голод мучает меня, а дурацкие приступы головокружения лишь ухудшают ситуацию. Сколько себя помню, если не удастся съесть хоть что-нибудь каждые пару часов, накатывает слабость и дурнота. Тетушки уверяют, что беспокоиться не о чем.

Но сегодня я беспокоюсь.

Вытерев лицо, выглядываю наружу.

И замечаю девочку в окне второго этажа соседнего дома.

Инстинктивно возникает желание отпрянуть, но я этого не делаю. Незнакомка просто стоит на месте, неподвижная, будто статуя.

Может, она сможет мне помочь? Я начинаю размахивать руками.

– Помоги! – кричу я. – Пожалуйста, помоги!

Девочка не двигается, и я начинаю сомневаться, настоящая ли она вообще. Но когда я начинаю колотить по стеклу, она задерживает занавески.

Исчезает.

– Мама, – шепчу я, задыхаясь от слез. – Где ты?

Становится все труднее вспомнить звук ее голоса, тепло ее объятий.

На противоположной стене кухне виден проход, которого раньше не было. Я рисую его на карте и огибаю стороной из опасения оказаться проглоченной и исчезнуть. Каждая дверь в этом доме заперта, как входная дверь с витражным стеклом. И тут она распаивается.

На пороге появляется женщина с коричневыми пакетами в руках.

– Рада видеть тебя в добром здравии, – комментирует она, запирая за собой дверь и пряча ключ в карман брюк. – Проголодалась?

Женщина слишком много улыбается. Слишком старается казаться любезной.

Она относит пакеты на кухню. В раковине до сих пор видны остатки яблочного пирога. Нужно было смыть их.

– Я собираюсь приготовить на обед гамбургеры и отварную кукурузу в початках. – Я ничего не отвечаю, и тюремщица продолжает говорить, доставая коричневую коробочку из шкафчика: – Получила сегодня посылку от сестры. – Там оказывается еще одна фарфоровая фигурка с крыльями и нимбом. – На какую полку ее поставить?

Я пожимаю плечами, используя единственное доступное оружие – молчание. Хотя теперь у меня есть еще одно. Я украдкой ошупываю тупой нож в кармане.

Женщина возвращает статуэтку в коробочку.

– Почти одиннадцать. Скоро начнутся «Молодые и дерзкие». Хочешь посмотреть их вместе со мной до обеда?

Не получив ответ, собеседница выуживает две банки газировки из холодильника и протягивает одну мне.

– Отказов не принимается. Давай же, будет весело.

Женщина садится на диван, но я остаюсь стоять. Она начинает рассказывать о каждом из героев сериала: кто на ком женат, кто умер и вернулся к жизни, чтобы снова умереть.

Но родители хорошо меня воспитали.

Я не сдаюсь. Так и не произнеся ни слова, возвращаюсь в спальню.

В единственную комнату, которая не запирается.

Я жду несколько минут, не появится ли снова девочка из соседнего дома, но, так никого и не заметив, задерживаю шторы. А потом комкаю грубо нарисованную карту этого проклятого места и выкидываю ее в мусорную корзину.

Глава девятая

До

Перед заходом солнца отец просит нас собраться для срочной проповеди.

Скамейки из деревянных досок, которые уложены поверх бетонных блоков, формируют полукруг перед гигантским дубом. Томас притаскивает платформу и устанавливает под ветвями. Держа Милли на руках, я сажусь рядом с Касом и задерживаю взгляд на его широких плечах, обтянутых белой футболкой с отрезанными рукавами, на высокой и резко очерченной линии его скул, на мягком изгибе его губ. Иногда я задаюсь вопросом, смотрит ли друг хоть иногда на меня так же, как я смотрю на него. Задумавшись, я начинаю нервно трясти ногой и грызть ногти, и мама перегибается, чтобы шлепнуть меня по предплечью.

– Это очень дурная привычка, – тихо упрекает она.

Отец поднимается на возвышение.

– Благословенны будьте, мои покорители мечты, мои творцы музыки.

– Восслався!

– Вера и свобода были вручены нам, так вознесем же хвалу!

– Восслався! – снова повторяем мы.

– Конец света. Армагеддон. Апокалипсис – все это разные имена саморазрушения человечества. Вы же, дети мои, станете его единственной надеждой. Вы и Коммуна.

Я расправляю плечи и сажусь прямее. Беверли Джин хватается за мою руку. Я ободряюще сжимаю ее. Проповеди отца могут казаться пугающими для малышей.

– Наши тела не затронуты ядом пестицидов и радиационной заразой. Мы выжили и продолжим бороться за жизнь даже наперекор больному обществу. – Его глаза вспыхивают. – Во Внешнем мире отчаяние изливается на людей, словно дождь, а культура потребления делает их бездумными роботами. Разводы превращают семьи в незнакомцев. Женщины отвергают свою естественную природу, приученные считать, что растить детей и заботиться о муже – слабость, а уважение дается лишь путем отречения от своей натуры. Сила мужчин, их стремление и способность руководить и принимать решения подавляются, заменяются чувством вины и стыда, превращая их в слабаков, которые не могут направлять семью твердой рукой. Люди травят сами себя, подставляют лица под нож из тщеславия, а умы гноят бездушными технологиями. А потому я выстроил для вас место, свободное от всего этого. И только я могу обеспечить вашу безопасность. Однако все имеет свою цену и дается упорным трудом. Большой мир скоро погибнет. Вы готовы продемонстрировать свою верность делу спасения человечества?

– Да, сэр! – хором отвечаем мы.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – В руках отец держит пластиковый пакет, наполненный белым порошком.

Милли начинает плакать, и я успокаиваю ее, напевая на ухо колыбельную.

– Это ДДТ – высокотоксичный химический инсектицид. Правительство впервые использовало его во время Второй мировой войны, когда солдаты в полях заражались болезнями от мух. И вот рядовые начали вымачивать в отраве спальные мешки, посыпать места приема пищи. А потом было решено использовать этот яд в фермерском деле для опрыскивания посевов. Этот кошмар сбрасывали с самолетов и рассеивали над окрестностями, чтобы сдержать рост популяции насекомых.

Отец открывает пакет.

– Правительство могло убедить население, что ДДТ безопасно для употребления в пищу, а затем обвинить плохое здоровье, когда тысячи людей оказались бы прикованными к больничным койкам, страдая от опухолей органов. Именно это и произошло. Ученые доверились

Конгрессу и заверениям химических компаний, наплевали на этику и публично подтвердили безопасность ДДТ. Но это было неправдой.

Отец выдерживает небольшую паузу и продолжает:

– Теперь вы понимаете, дети мои, что правительство печется не об интересах народа? Это никогда не являлось их целью. И я единственный, кто видит истину и не боится ее озвучить.

Тетушка Джоан подает ломоть хлеба отцу. Он берет краюху и посыпает ее ДДТ из пакета, точно солью.

– Я в состоянии уберечь вас от ядовитых химикатов, в которых утопает этот мир, но вы должны довериться мне. Нельзя допустить неудачи, как произошло сегодня с видео. Знаю, этот случай кажется незначительным, но маленькие ошибки влекут за собой большие. Мне же невыносима мысль о том, что я могу потерять хоть кого-то из вас. Поэтому будьте добросовестны. Генри, твоя юность не искупает проступка. Тебе велели следить за чистотой одежды, ты же ослушался приказа.

Младший брат начинает всхлипывать, и матушка тут же обнимает его.

– Вера. Вот что вам требуется, чтобы выжить. Вера в меня. В мои способности. – Отец ударяет себя кулаком в грудь. – Вера может оказаться горькой пилюлей. Не каждый в состоянии положиться на то, что нельзя увидеть или потрогать, а просто знать, что есть нечто направляющее тебя, обеспечивающее защиту. – Он подносит хлеб к лицу и внимательно разглядывает. – Если я съем этот кусок, он мне не навредит. Я верю в свои способности, так как не раз становился их свидетелем. Жители поселения тоже это наблюдали. Но вы, дети, были лишены данного зрелища.

– Кертис... – неуверенно произносит мама, но тут же осекается.

– Есть ли среди вас тот, чья вера позволит откусить отравленный хлеб?

– Я готова! – выпаливаю я немедленно. Каспиан оборачивается, но мое внимание сосредоточено лишь на отце.

– Ты уверена, Пайпер? – уточняет он. – Хватит ли тебе веры вступить вместе со мной на этот путь? Предупреждаю, он не из легких.

Я выпрямляюсь так, что мускулы спины напрягаются, а позвоночник щелкает.

– Я верю в тебя, отец. И всегда верила.

Он коротко кивает. Тогда я передаю Милли Карле, поднимаюсь с места и беру кусок хлеба.

– Не бойся, – шепчет глава семьи.

Я нервно провожу языком по губам, борясь с желанием оглянуться на Каса. Отец всегда выполняет обещания. Рядом с ним я в безопасности. Он меня защитит.

Я не умру.

Мне казалось, порошок обожжет язык или зашипит на губах, но ничего подобного не происходит. На вкус хлеб ощущается в точности как всегда, разве что немного слаще. Каждый укус приближает меня к отцу, к Коммуне, к инициации, к цели в жизни.

Стоит мне доесть, как духовный лидер приближается и заключает меня в объятия.

– Все видели, насколько Пайпер мне доверяет? Именно такой веры я ожидаю от всех своих детей. Вы поняли?

Собравшиеся кивают, а отец наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Это был всего лишь сахарный порошок. Ты прошла испытание. Молодец.

– Благодарю, – шепчу я, едва в состоянии вдохнуть.

Мне жаль людей, которые ни во что не верят.

Глава десятая

До

В полночь я просыпаюсь вся в поту и сбрасываю одеяло.

Дом погружен в сон. Я оставляю за спиной комнату, наполненную неподвижным воздухом. Родители даже не шевелятся, когда я крадусь на цыпочках мимо их спальни.

Выйдя на улицу, я наливаю в стеклянную банку воду из насоса и собираю несколько клубничин в саду, аккуратно завернув их в салфетку. Зная Каспиана, он наверняка заметит пропажу ягод, но они предназначены для его брата. Он поймет.

Небо совсем черное, и каждая звезда ясно видна. Я запрокидываю лицо вверх и пытаюсь их сосчитать. Какая же красота!

Затем направляюсь в рощу. Силуэты аттракционов практически сливаются с деревьями и становятся неразличимыми в такой темноте. Когда я приближаюсь к цели, то замечаю отсветы фонаря и слышу кряхтение Томаса, нарушающее пение сверчков.

Он находится в яме по пояс и орудует лопатой, выбрасывая комья земли на уже внушительную кучу. Парень наклоняется и выпрямляется снова и снова, исполняя работу, назначенную в наказание. Груды вырытого грунта окружают его, словно крепостные стены.

А все потому, что я оказалась слишком трусливой и не взяла на себя вину за собственную ошибку.

Звук моих шагов застаёт Томаса врасплох, и он вглядывается в темноту.

– Кто здесь?

– Всего лишь я, – шепотом отзываюсь я, вступая в круг света от фонаря.

– Тебе не следовало приходить, Пайпер. Желаешь попасть в неприятности? – Друг вытирает лоб, лицо блестит от пота.

Я протягиваю банку с водой и салфетку с клубникой.

– Вот, я принесла тебе перекусить. Подумала, ты проголодался и хочешь пить.

– Я не могу это взять. Кертис запретил прерываться, пока не закончу работу. – Томас пристально смотрит на воду и облизывает пересохшие губы.

– Пожалуйста, возьми. Я ничего не скажу отцу.

– Он все равно узнает. Он всегда все знает. – Парень опирается на черенок лопаты и вздыхает.

Поблизости раздаётся громкое кваканье жабы, и я подпрыгиваю от неожиданности. Несколько ягод падают из салфетки на землю. Я тут же присаживаюсь, чтобы их поднять. Томас вылезает из ямы, берет у меня угощение и съедает одну клубничину.

– Прости меня. Это я должна была копать яму, а не ты.

– Я знал, на что шел. – Он садится прямо на землю, принимает банку с водой и осушает в несколько глотков.

Несколько минут мы сидим в тишине.

– Расскажи мне о поселении, – наконец прошу я. – Оно похоже на то, что обещал отец?

– Оно совсем не такое, как я думал, – роняет Томас, отставляя стеклянную емкость в сторону.

– Лучше, чем ты ожидал, – с замиранием сердца, уточняю я.

– Нет, Пайпер. Не лучше.

Голос друга звучит устало. Бесстрастно. Мои мечты об идеальной жизни в поселении начинают угасать.

– Ты меня пугаешь.

Как же так? Место обитания членов Коммуны благословлено присутствием и любовью отца. Растения без пестицидов там дают щедрый урожай, люди могут слушать проповеди и готовиться к будущему. Там любой человек имеет значение, жизнь имеет значение. Там собрались все те, кто обеспечит выживание человечества.

В поселении просто невозможно быть несчастным. Но почему тогда Томас так себя ведет?

Он поднимается и стряхивает землю с ладоней.

– Возвращайся в постель до того, как тебя поймают. Не беспокойся обо мне, я почти закончил копать.

– Почему ты не хочешь рассказать о жизни с отцом?

Следует длинная пауза.

– У Кертиса есть мобильный телефон, – наконец произносит Томас.

Воцаряется тишина. Даже сверчки замолкают.

Я недоверчиво трясую головой, пока снова не начинаю слышать стрекотание.

– Это невозможно. Радиация...

– Это правда. Я видел, как твой отец им пользуется.

– Я тебе не верю. Хватит меня разыгрывать.

– Но я действительно видел это. Собственными глазами, – медленно повторяет парень. – До того, как мы сюда переехали, у родителей тоже были телефоны, так что я знаю, как они выглядят.

– Значит, на то были веские причины. Отец лучше знает, как поступить. Наверняка он просто пытается разобраться, чему противостоит. Не тебе его судить.

– А еще в поселении не хватает еды. – Томас поднимает на меня глаза.

– Нет. Не может быть! – восклицаю я, сжимая руки в кулаки. – Поля там простираются на многие мили вокруг!

– Так нам говорили. Но это неправда. Мы действительно выращиваем урожай, но само поселение занимает гораздо меньшую площадь, чем было обещано. Иногда нам хватает продуктов лишь на одну трапезу в день. И то скромную: только рис, кукурузная каша и горсть миндаля. Пайпер, как-то раз нам пришлось ужинать просроченными крекерами, в которых кишели долгоносики! – Томас сглатывает и отводит глаза. – Зато у Кертиса всегда полно еды. Хорошей, настоящей еды.

– Он является лидером нашей Коммуны, – слабо отвечаю я, ощущая, как пот скапливается на верхней губе. – Отец должен хорошо питаться, чтобы оставаться сильным. Иначе он не сумеет защитить нас.

– Вот, значит, что ты думаешь?

– Конечно! – Я встаю. – Почему ты так себя ведешь?

– Я не хочу с тобой ругаться, – качает головой Томас.

– Тогда не следует принижать деяния отца. Меня задевают выпады в его сторону.

– Мне казалось, с тобой можно обсудить что угодно, – медленно произносит он. – Видимо, я был не прав.

– Ты был прав, – со злостью отвечаю я, – но слушать бред я не желаю. Как ты смеешь обвинять отца во лжи? Это так похоже на пропаганду Внешнего мира!

– Как скажешь.

– Не верю своим ушам! Ты же знаешь, насколько важен его план! Разве он не подарил вам лучшую жизнь по сравнению с тем, как вы существовали раньше? Вы и сами не раз благодарили его, говорили, что он заменил вам настоящего отца и что вы рады избавиться от влияния биологических родителей.

– Раньше я действительно так считал.

– Знаешь что? – вздыхаю я, разворачиваясь к собеседнику спиной. – С меня достаточно!

– Только не рассказывай о поселении Касу! – кричит он мне вдогонку. – Лучше ему оставаться в неведении.

Выйдя из круга света, я застываю на месте и оборачиваюсь. И наконец понимаю, для чего именно копает ямы Томас, который уже вернулся к работе.

Он роет могилы.

Глава одиннадцатая

После

До меня доносятся звуки, которых никогда не было слышно дома. Шум, который я не могу заглушить.

Лай собаки.

Рокот проезжающих мимо машин.

Жужжание кофемолки, которое создает ощущение, что женщина пережевывает кости и потом выплевывает их.

Она появляется на пороге моей спальни.

– Хочешь помочь мне сегодня в саду? День стоит просто чудесный. – Не получает ответа, и улыбка сползает с губ этой Джинни. – Я буду на улице, если решишь ко мне присоединиться.

Она уходит, и где-то в глубине дома с грохотом захлопывается дверь.

Мы никогда не хлопали дверьми.

А еще никогда их не запирали.

Я натягиваю джинсовые шорты и белую футболку с отверстиями, оставляющими кожу на плечах обнаженной. Матушка пришла бы в ужас от одежды, которую мне выдала женщина.

Когда я спускаюсь по лестнице в гостиную, то вижу открытую входную дверь. Витражное стекло отбрасывает на солнце яркие блики.

Возможно, это всего лишь уловка. Своего рода проверка.

Однако...

Я на цыпочках подкрадываюсь ближе и выскальзываю на улицу.

С тех пор как Они привезли меня сюда, я впервые оказываюсь снаружи. Закрыв глаза, я прислушиваюсь к пению птиц и стрекотанию кузнечиков. Можно представить, что я снова попала домой и собираю полевые цветы вместе с мамой или шагаю по саду на встречу с Касом.

Я открываю глаза.

Думать об этом слишком больно.

Нужно сосредоточиться на том, что находится прямо передо мной.

Переднее крыльцо сбегает вниз. Ограда из стальных прутьев по периметру двора соединяется с большими металлическими воротами в конце подъездной дорожки. Ближайший дом – тот самый, с черными ставнями, где я заметила девочку, – белеет за забором.

На дороге за решеткой нет ни одной машины.

Я спускаюсь с крыльца и подхожу к женщине. Сидя на коленях в грязи, она выглядит меньше, чем обычно. Кажется слабой и беззащитной. Можно попробовать сбить ее с ног и перелезть через забор. Я вспоминаю о ноже, спрятанном под матрасом в спальне.

– Мы собираемся разбить зимний огород, – сообщает Джинни. Заметив меня, она прекращает работу и протягивает мне садовую лопатку. – Помоги мне перекопать землю.

Я осторожно беру инструмент, стараясь не прикасаться к тюремщице, и опускаюсь в нескольких футах от нее.

– Любишь брокколи? – спрашивает она.

Я дотрагиваюсь до ожерелья.

– Мы посадим брокколи и капусту. Зимой так приятно иметь свежие овощи. Один из плюсов жизни в северной части Калифорнии, полагаю.

С этими словами женщина с жаром принимается протыкать лопаткой землю, разрывать на части почву и вонзаться в комья грязи. Мы с матушкой тоже любили помогать Касу с фруктами и овощами в саду. Каждую осень мы собирали клубнику и помидоры, относили на крыльцо и лакомились. Остальное закатывали в банки.

– А еще, само собой, я посажу клубнику, – прерывает воспоминания эта Джинни. – Она поспеет как раз к Рождеству, и я приготовлю пирог и сделаю джем. Если захочешь, сможешь помочь мне. А я покажу все приемы и научу своим рецептам.

Но я не хочу. Клубничный ритуал принадлежит только нам с матушкой. Я бросаю лопатку на землю.

– Не любишь заниматься садоводством? – спрашивает женщина и заметно расстраивается, когда я отрицательно мотаю головой. – Ну ничего. Только не покидай двора, хорошо? Возле дороги небезопасно. Водители за городом частенько носятся, не обращая внимания на пешеходов.

Будто бы мне есть куда идти.

Я принимаюсь бродить вокруг дома. С одного бока ограду охраняют выстроившиеся в ряд клены. В тени их крон установлена каменная поилка для птиц. На покрытом мхом краю сидит малиновка, чья оранжевая грудка трепещет от льющейся трели. Я замороженно наблюдаю за маленькой певуньей, пока она не упархивает прочь.

Чуть поодаль виднеется садовый сарай, выкрашенный в тот же оттенок голубого цвета, что и сам дом. На двери висит замок. Я дергаю его, но безрезультатно. Ощувив на затылке покалывание, будто от постороннего взгляда, я резко оборачиваюсь, но женщина поглощена перекапыванием земли.

Я шагаю дальше вдоль ограды. Ее опоры идут примерно через каждые десять футов, и ключья травы под ними выглядят недавно перевернутыми, пожухшими без влаги.

Этот забор вкопали недавно.

В самом дальнем конце двора я обнаруживаю секцию изгороди, принадлежащую соседскому дому. Деревянные доски выгорели на солнце, выцвели от времени, но до сих пор источают аромат кедра. Этот запах переносит меня домой. Перед глазами возникает улыбающийся Кас. Он протягивает мне руку. Мы карабкаемся на расшатанные горки аттракционов и смеемся.

Пуф-ф.

И видение растворяется в воздухе, а я снова оказываюсь в плену.

Обшариваю взглядом соседний дом в поисках колышущейся занавески или человеческого силуэта. Где же та девочка? Я уверена, что она мне не померещилась, но окна остаются пустыми. Белый дом почему-то кажется мертвым.

Я подхожу ближе к забору и внимательно его рассматриваю. На месте сучка образовалось отверстие.

Прислоняюсь к нему глазом.

Двор соседей выглядит пустым и необжитым.

Затем мелькает цветное пятно.

Передо мной возникает лицо девочки, вернее девушки.

– Привет! – произносит она.

– Здравствуй, – скрипучим, хриплым от молчания голосом отзываюсь я. Сердце бешено колотится в груди.

– Ты, должно быть, моя новая соседка.

– Д-да, пожалуй. А ты кто? – В уме начинают прокручиваться всевозможные сценарии. Вдруг у нее есть доступ к машине или деньгам? Тогда девушка сумеет помочь мне добраться до родителей.

Но она почти сразу отворачивается и шипит:

– Дерьмо! Предки вернулись. Пора бежать.

– Постой! – кричу я, прижимаясь к деревянному забору.

Но моя единственная надежда на спасение уже исчезла.

Внезапно я ощущаю чей-то пристальный взгляд. За спиной раздается глухой рык. Я оборачиваюсь и вижу существо, покрытое черным мехом с перекатывающимися под шкурой мышцами. Собака. Наверное, именно она и лаяла чуть раньше.

Животное скалится, обнажая острые белые клыки, и натягивает цепь, однако освободиться не может. Я хочу позвать на помощь, но от ужаса не в состоянии вымолвить ни слова. В уголках черных губ скапливается слюна, пока псина внимательно следит за мной.

Затем она гавкает, и женщина тут же оборачивается, после чего поднимается на ноги, стягивает перчатки и бежит через двор.

– Фу, Дейзи, – с упреком произносит она. – Нельзя лаять. Плохая девочка.

Собака наклоняет голову, потом садится и вываливает из пасти язык.

– Извини ее. Она просто нас защищает. Пришлось завести ее после... неважно. Сейчас мы держим ее во дворе. – Джинни наклоняется, чтобы приласкать питомицу. – Дейзи, это Пайпер. Она теперь живет с нами. – Женщина подходит ко мне и обнимает за плечи.

От этого возникает странное, но чем-то неуловимо знакомое ощущение. От нее доносится аромат духов матушки. Я бросаю на Джинни взгляд, но запах уже исчез.

– Видишь, Дейзи? – говорит хозяйка собаке. – Пайпер – хорошая девочка.

Животное в ответ начинает громко дышать, виляя хвостом.

– Хочешь ее погладить? – спрашивает меня женщина.

Я пожимаю плечами.

Но если удастся завоевать ее доверие, то она, возможно, разрешит мне гулять по двору без присмотра. Не сомневаюсь, что тогда у меня получится пробраться через забор. Так что я наклоняюсь к собаке.

– Только не делай резких движений. Дай ей сначала обнюхать свою руку.

Я протягиваю ладонь, ожидая лишиться одного-двух пальцев, но Дейзи вместо этого облизывает их.

– Ты ей нравишься! – с энтузиазмом восклицает женщина. – Я так и знала! Она отлично разбирается в людях.

Собака тычется мордой мне под колени и, когда я опускаюсь на корточки, принимается лизать мне лицо. Я невольно улыбаюсь и обвиваю Дейзи руками. Как же давно я никого не обнимала! И тут цепочка соскальзывает у меня с шеи. Зеленый камень падает в траву. Я подхватываю украшение и прижимаю его к груди.

– Твое ожерелье, – комментирует женщина. – Я могу отнести его к ювелиру, чтобы починить застежку.

Я яростно мотаю головой и отворачиваюсь, стискивая амазонит так сильно, что начинаю опасаться, как бы он не рассыпался в пальцах пылью.

Глава двенадцатая

До

Во сне сестры издают разные звуки. Они отличаются, как отпечатки пальцев, и легко определить, кому принадлежат.

Карла похрапывает и причмокивает губами.

Беверли Джин бормочет во сне что-то неразборчивое и бессмысленное.

Милли ворочается в колыбельке, то и дело задевая ногами деревянные перекладки.

Интересно, какие звуки издаю я? Прямо сейчас я парю между явью и сном, не в состоянии отключить мозг.

Может, мой шум – это тишина?

Я ощущаю присутствие отца в темноте комнаты еще до того, как он шепчет мое имя.

– Готова прогуляться со мной? – тихо произносит он с теплой улыбкой на лице. Его дыхание пахнет кофе и зубной пастой.

– Который час? – спрашиваю я, шурясь.

– Скоро рассвет. Мы можем вместе за ним понаблюдать. Спускайся, я буду ждать тебя снаружи.

Даже не помню, когда я в последний раз видела восход солнца. Неудивительно, что отец предложил именно это. Он всегда замечает красоту в тех вещах, которые все другие предпочли забыть или проигнорировать.

Доставая из шкафа коричневую замшевую юбку и гольфы, я задеваю ногой небольшую картонную коробку на полу. К ней пришпилен сложенный листок бумаги.

Я разворачиваю его и читаю:

Достал специально для тебя. Женщины поделились несколькими лишними. Томас.

Внутри я нашариваю гость тампонов. Прошел почти целый год с тех пор, как я ими пользовалась. Отец запретил их привозить, заявив, что они не являются биоразлагаемыми. Однако прокладки, которые я делаю из обрывков ткани, доставляют гораздо больше неудобств и никогда не отстирываются до конца.

– Спасибо тебе, Томас, – шепчу я, пряча подарок под матрас. Тетушки бы не одобрили подобное... но я в любом случае сохраняю драгоценные средства гигиены. Они нам крайне нужны.

Когда я выхожу из дома, отец кидает камешки в озеро. Еще не рассвело, и небо сейчас напоминает сине-серую дымку, а сосны на противоположном берегу кажутся выполненными на скорую руку набросками с оплывшими краями.

На пляже я крадусь, наступая точно в оставленные отцом следы, желая удивить его. Но он оборачивается раньше, чем я успеваю подобраться слишком близко.

– А вот и ты, соня.

– Матушка чувствует себя лучше сегодня?

– Намного, – кивает он. – Быть рядом с вами – лучшее лекарство для нее. Последнюю неделю она ужасно мучилась головными болями, но стоило приехать сюда, как все прошло. – Он запускает последний камень. – Когда мы чистили зубы, я заметил состояние кожи головы у Беверли Джин.

Не знаю, хочет ли отец услышать мой комментарий, но все равно произношу:

– С каждым разом становится все хуже.

– Так я и понял. Думаю, настала пора отказаться от этой традиции. Мы все знаем, что являемся одной семьей. Я вижу, как вы друг друга любите. Цвет волос этого не изменит. Я поговорю с вашей матерью. Иногда она бывает слишком неуверенной в себе, но я и без того слишком долго поощрял эту слабость.

– Спасибо, отец! Все будут так счастливы услышать твое решение. – Я крепко обнимаю его.

– Прогуляемся? – спрашивает он и берет меня за руку.

Мы идем вдоль берега мимо каменного очага, в котором разжигаем костры и жарим зефир, и углубляемся в рощу на другой стороне подъездной аллеи.

– Прошлым вечером у нас с твоей матерью состоялась серьезная беседа, – нарушает молчание отец. – Она рассказала, что ты хочешь жить с нами в поселении. Что ты готова пройти посвящение.

– Действительно? – с замирающим сердцем переспрашиваю я.

– Мы держим вас отдельно ради вашего же блага. – Он останавливается и поворачивается ко мне лицом. – Внешний мир – опасное место. Помнишь, какими были Томас и Каспиан, когда только переехали сюда? Мне не слишком приятно, что приходится плохо отзываться об их родителях, но они являлись крайне неуравновешенными людьми, слишком зависящими от наркотиков. И даже жили с детьми в машине. Я надеялся, что Коммуна изменит их, но этого не произошло. Они выбрали свое пагубное пристрастие вместо сыновей, можешь себе представить? Именно от такого мира я вас и спасаю. – Его горящие глаза впиваются в мои. – Наше поселение находится на передовой линии грядущей войны и не рассчитано на детей или слабых духом. Но, может, ты и вправду уже готова встретиться со злом лицом к лицу?

– Я готова, отец. И хочу, чтобы ты мной гордился.

– У нас с тобой особая связь. – Он целует меня в щеку. – Когда ты была еще совсем малышкой, то страдала от колик и рыдала часами напролет. Днем и ночью. И успокаивалась лишь тогда, когда я брал тебя на руки, ходил по дому и рассказывал истории.

– У меня были колики? Ты никогда раньше об этом не упоминал.

– О да, еще какие. Ты унаследовала эту напасть от меня. Моя мать, твоя бабушка, утихомиривала меня, добавляя виски в бутылочку с молоком. Тогда времена стояли совсем другие. Уверен, ты изобретешь собственные приемы, когда сама родишь ребенка.

Мы возобновляем путь, шагая по утоптанной тропе между деревьями.

– Ну, это еще не скоро произойдет, – отзываюсь я, не представляя себя в роли матери.

– Это время наступит быстрее, чем ты думаешь. Тебе уже семнадцать, и жизнь не стоит на месте. Раз уж зашла об этом речь, я даже выбрал для тебя мужа.

– Мужа? – Я резко останавливаюсь.

Отец отпускает мою руку.

– Нам нужны новые члены Коммуны. Кто-то с чистой кровью. Дети истинно верующих. Твою свадьбу будут праздновать все обитатели поселения.

Я даже не знаю, радоваться мне или ужасаться. Если отец хочет выдать меня замуж за мужчину из Коммуны, значит, я окажусь в рядах посвященных. Но я даже ни с кем не целовалась. Как можно связать себя узами брака с человеком, которого никогда не видел?

– Мне страшно, – признаюсь я. Перед глазами все плывет, и я вспоминаю, что не позавтракала.

– Ты мне доверяешь?

– Конечно, но...

Мой спутник спотыкается, прислоняется к дереву, подносит пальцы к вискам и закрывает глаза.

– Отец? Что с тобой? – Я дотрагиваюсь до плеча пророка.

– Меня только что посетило видение, – задыхаясь, шепчет он и открывает глаза. – Как мы с тобой идем бок о бок по территории поселения. Я много медитировал, размышляя об этом, но теперь уверен.

– Уверен в чем? – Желудок скручивает узлом. Если отец принял решение посвятить меня в члены Коммуны, то моя жизнь наконец приобретет смысл.

Он гладит меня по волосам.

– Поговорим об этом после завтрашней проповеди. А пока идем любоваться рассветом.

Глава тринадцатая

До

На втором этаже в дальнем конце коридора расположена запертая дверь. Туда никто никогда не входит и не выходит, даже тетушки. В детстве я частенько заглядывала в замочную скважину.

Но комната не желала делиться секретами.

До сегодняшнего дня.

Завершив проповедь, отец отпирает дверь и приглашает меня в свой личный кабинет. Затем отдергивает шторы, позволяя солнечным лучам осветить бледно-зеленые стены. Я с восхищением разглядываю печатную машинку на столе, «Ундервуд» пятой модели, ее черные клавиши и темно-серые обводы корпуса.

– Если хочешь, можешь до нее дотронуться, – предлагает отец.

Кнопки на ощупь гладкие и прохладные, и я нажимаю на одну из них.

Клац!

Громкий звук эхом отражается от стен. Затем наступает тишина.

Из-за исходящей от машинки магии тело начинает покалывать.

– Я не могу пользоваться компьютером, – объясняет отец, приближаясь ко мне. – Иначе правительство сумеет отследить мою работу. У Них глаза повсюду. Уверен, Они уже давно за мной наблюдают.

– Но почему? Разве это законно?

– Они могут делать все, что пожелают. Мы же отрицаем слепое преклонение перед теми, кто находится у власти, Пайпер, и за это подвергаемся гонениям. – Отец делает глубокий вдох и выдох. – Мне нужна твоя помощь, чтобы внедрить учение в жизнь Коммуны.

– Моя помощь?

– Ты готова к этому. – Отец внимательно всматривается в мое лицо. – Ты похожа на меня: ищешь то, чего остальные не замечают, зришь в корень истинных вещей, которые другие не желают понимать. А еще ты терпеливая. Бесконечно терпеливая. Обычно я не позволяю женщинам исполнять подобную роль, так как большинство из них являются чрезмерно эмоциональными и не умеют думать рационально, принимать тяжелые решения. Но ты особенная.

Его слова заставляют меня сиять от гордости.

Возможно, я только что обрела свое место в семье. Свое предназначение. Кас занимается садоводством, Томас выполняет плотницкие работы в поселении. Дети обучаются с помощью социальных игр. Я же только и делаю, что убираю за братьями и сестрами. Я не жалею, просто хочу найти нечто свое.

– Муж, которого я тебе подобрал, является одним из моих самых доверенных людей в Коммуне.

Я киваю и выдавливаю улыбку, боясь даже моргнуть. На глаза наворачиваются слезы, и я поспешно их утираю, стоит отцу отвернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.